

А.А. НЕБОЛЬСИН

Часть 1

Казачья доля

Первый чеченский сл

18+

Андрей Небольсин

**КАЗАЧЬЯ ДОЛЯ. Первый
чеченский след. Часть 1**

«Автор»

2010

Небольсин А. А.

КАЗАЧЬЯ ДОЛЯ. Первый чеченский след. Часть 1 /
А. А. Небольсин — «Автор», 2010

Главные герои романа, друзья детства Абрамов и Кузьмин – жители деревни Ядрино Орловской губернии. Их судьбы тесно переплетены с событиями войны на Кавказе в период с 1855 по 1880г. Автор повествует о тяжёлой, изнурительной службе казаков, одновременно показывая, что такие вечные чувства, как любовь и дружба, играли не последнюю роль в жизни простых людей.

© Небольсин А. А., 2010

© Автор, 2010

Андрей Небольсин

КАЗАЧЬЯ ДОЛЯ. Первый чеченский след. Часть 1

*Кавказ! Далёкая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!
М.Ю. Лермонтов*

Глава 1

К большому, деревянному двухэтажному дому подъехал есаул Кузьмин Богдан Семёнович. На дворе старинной княжеской усадьбы было много солдат. Здесь можно было увидеть канониров, пехоту и казаков. Было видно, что казаки считали себя на этом дворе самыми важными. Им была отделена ровно половина двора, хотя пехоты было намного больше; стоял такой галдеж, будто сто орудий слились в протяжный вой. Офицеры пытались успокоить вояк, но этого хватало на несколько минут, а потом все начиналось вновь. Стоило Богдану Семеновичу показаться в воротах, вся толпа вдруг замерла, наступала такая тишина, будто все солдаты одновременно уснули. Да и было чего испугаться. В ворота въехал сам Кузьмин. Ростом не Геркулес – обычный человек, только в плечах, как говорят про таких, два аршина, да в глазах у него было что-то такое, будто много горя он видел в жизни. Лет ему было не больше тридцати, но весь седой, а выражение лица и особенно взгляд напоминал бывалого старика.

Богдан легко спрыгнул с коня. Скакун был весь в пыли, казалось, он проделал длинный путь но, несмотря на это он гарцевал на месте, и был готов продолжить путь. Он был прекрасен, его стать была видна таких коней можно встретить только у генералов, или в царском дворе. Есаул подал поводья стоявшему рядом казаку, посмотрел ему в глаза. Тот сразу понял, что коня надо разнуздать, покормить и присмотреть за ним. Есаул прошел вглубь двора, там под высоким дубом стоял небольшой стожок сена, приспособленный для сна, и лег там.

Солдаты стали понемногу роптать, но уже не так, как раньше. У ворот, там, где стояли пушки, беспорядочно толпились новобранцы в еще новом обмундировании, еще не видавшие трудностей воинской службы. Перед висящим на стене зеркалом они рассматривали себя со всех сторон. Два молодца осмелились подойти к пожилому солдату:

– Скажи, отец, кто такой этот есаул и почему пользуется таким авторитетом у солдат?

– Не знаю, сынки, слышан только о его небывалой храбрости, будто пули, облетают его стороной, солдат своих бережет и под пули зря не пускает. Но, есть, сынки, про него еще одна история. Про нее вам расскажет друг его, поручик Абрамов. Они с одной деревни, вместе на службу пришли, вместе воевали. Вы бы, солдатики, посмотрели на него, когда он утром мыться будет: на нем, бедолаге, живого места нет. Там и от пули следы, и от сабли, даже от пушки есть, только вот не берет его смерть. Говорят, сама его боится, ведь посмотри: кому одной пули хватит, а в нем только их одних восемь. Его сам главнокомандующий Небольсин Андрей Алексеевич шибко уважает, полный георгиевский кавалер, а награды-то он редко носит.

Небольсин сидел за большим столом и смотрел в карту. Перед ним за длинным столом сидели командиры полков и ждали распоряжений.

– Сейчас мирное время, – говорил Небольсин, – но нельзя забывать про дисциплину. Вы – командиры полков, не можете навести порядок даже во дворе. А как вы поведете солдат в

бой? Они вас и там не будут слушать. Завтра с утра всё молодое пополнение на плац и гонять "до седьмого пота", всех остальных – на строительство новой бани.

Вдруг во дворе стало тихо, Небольсин сказал, улыбнувшись, но в то же время строго, как положено, сказать генералу подчиненным:

– Это войско может успокоить и один человек, на строительство бани назначаю старшим есаула. А вы, господа офицеры, пожалуйста завтра в полном составе на плац. Будете учиться командовать личным составом, как говорится: "строим и с песней". Приказ ясен всем?

– Мне не ясен! – из-за стола встал полковник Зубов.

– Что не ясно? – спросил генерал грубым тоном.

– Как мне держать солдат в повинности? Если я не могу наказать, ударить солдата, я не могу даже наорать на него. И всё потому, что они чувствуют ваше покровительство и нечего не боятся!

Наступила не очень приятная тишина. Небольсин встал, выдержал паузу и тихо заговорил:

– Почему же, полковник, вы считаете, что наш родной русский солдатик вас должен бояться, вы им что – враг? Вы – российский офицер! Вам напомнить, что меня вот такой же новобранец собой от пули заслонил. И вас, Зубов, вы, наверное, запомнили – эти же солдатики раненого с поля боя выносили. Думаешь, что они своей жизнью рисковали под страхом, что ты им в лицо дашь? И не бояться они должны, а уважать. Вот завтра на плацу вы и завоюете их уважение. Теперь всем понятно, вопросов больше нет?

Офицерам очень не понравился приказ, но они знают: приказы не обсуждаются, они выполняются. Ходить по плацу с новобранцами – это для офицеров большое унижение. Андрей Алексеевич пользовался уважением среди солдат и офицеров, и никто не посмел возразить генералу.

Офицеры жили все в одном большом доме. Семейные занимали две комнаты, как, например, полковник Зубов. Он жил с женой и двумя детьми – гимназистами. Все утро, да и наверно, уже весь день, будут испорчены, так как по приказу комдива предстоит вместе с солдатами ходить по плацу.

– Мария! – закричал он, – где мой крем для сапог? Опять его на месте нет!

Маша, жена Зубова, вышла из спальни. Не обращая внимания на раздражительность мужа, спокойно подошла и сказала:

– Милый, крем не нужен, сапоги я тебе уже почистила.

Зубов хотел было что-то сказать жене, еще более неприятное, но Маша стояла и улыбалась. Полковник промолчал. Придаться не к чему, да и чего к жене придаться? "Она – то в чем виновата?" – выходя из квартиры, подумал он. "Как ловко может Маша сглаживать конфликты".

Из квартиры напротив вышел майор Лукаржевский, тоже в плохом настроении. Но у него был веселый характер, позволяющий даже в трудное время найти причину пошутить или посмеяться над кем-нибудь. Майор тоже был женат, но часто забывал об этом, особенно когда видел молодых хороших девушек. Он не пропускал ни одной юбки; жена поначалу скандалила с ним, уезжала домой к родителям, но когда у их родился третий сын, она успокоилась и не обращала внимания на измену мужа. Лукаржевский поздоровался с Зубовым, и они вместе пошли вниз. Там на выложенной камнем мостовой их уже ждали капитан Березников и прапорщик Иванов.

– Привет, Сереженька! – улыбаясь, сказал Лукаржевский, – что, пошли на плац, погуляем.

– Эх, майор, шуточки у вас, – ответил Иванов.

– Да не унывай, – продолжал он, – вот есаул построит баню – попаришься там, я тебе девочку подгоню, самую лучшую.

– Ой, да не надо мне никого, у меня Наташа есть.

– Дружище, не переживай, мы и Наташе подго...

– Майор, прекратите ехидничать, – перебил его Зубов. Имейте совесть, право сейчас не до ваших шуток.

– Не понимаю, господа, вашего тона. Вы обижаетесь на Небольсина, что заставил ходить по плацу, но смею вам напомнить, что мы пока в армии.

– Нам придется ходить по плацу с низшими чинами, – сказал Зубов – мало того нам придется ходить с новобранцами. Представляю, какое посмешище получится.

– Ах, вот что волнует господ, смею вас уверить, что может нам придется с ними еще и на войну идти, представляю как вам будет неприятно находиться с низшими чинами в одном окопе. – С ехидством сказал майор.

– А вот интересно, почему Богданушка наш не идет на плац, а идет в баню, – Зубов нахмурил брови, – Ну я ему сейчас скажу.

Тем временем они подходили к расположению полка. Часовой, стоявший на воротах, громко крикнул:

– Смирно!

Все встали. Вчетвером они пошли вглубь двора, где спал есаул.

– Встать! – крикнул полковник.

Кузьмин медленно встал, не обращая внимания на Зубова, прошел к умывальнику. Непослушание привело командира в бешенство. Есаул, не обращая внимания на Зубова, снял с себя рубаху и начал мыться. Вся спина его была в шрамах, под правым плечом виднелся огромный шрам, левое плечо пересекал шрам видимо от сабли. Зубов молча смотрел на него. И стало ему так стыдно за то, что он накричал ни за что на ветерана.

– Извини, есаул, – полковник отдал честь, щелкнул каблуками и ушел прочь.

Андрей Савкин, не сводя глаз, пытался посчитать все шрамы на изувеченном теле ветерана, определяя, от чего шрам: от пули или от осколка.

К Богдану подошел поручик Абрамов:

– Кум, дай мне двух солдат, надо на почту съездить.

Савкин и Зайков подбежали к поручику:

– Ваше благородие, возьмите нас, – поросился Слава Зайков.

Абрамов осмотрел новобранцев с ног до головы, и строгим голосом сказал:

– У входа карета, бегом туда.

Пыльная дорога петляла по горным хребтам, то поднималась вверх, то спускалась. Пейзаж менялся один за другим. Мы ехали то по песку, то по камням. В окно почтовой кареты было видно, как вдали с очень высокой горы стекал горный ручей, и чем ниже он стекал, тем шире становился у подножия горы. Это была маленькая речка, с очень быстрым течением.

– А скоро ль вернемся? – спросил Зайков.

– Если все будет хорошо, то думаю, к завтрашнему вечеру вернемся.

– Ну, если дорога такая длинная, то может, вы нам расскажете, про то, как вы воевали на Кавказе, про друга вашего Кузьмина. Глядишь, и дорога станет короче.

– Что вам рассказать? Про все рассказать никакой дороги не хватит. А хотя... Дорога и впрямь дальняя, попробую.

ВОСПОМИНАНИЯ

– Родились мы с Богданом под городом Мценском, что в Орловской губернии, в деревне Ядрино. Деревня наша стоит прямо в лесу. Здесь вот видите красота какая, а там еще красивее. Под горой у нас река Зуша течет. Ох, и рыбы там! Я сам лично поймал сома на пять пудов, два часа вытаскивал. Чуть самого меня в реку не утянул, но всё же я его вытянул. Охота там: кабаны, олени, медведи, кого хочешь, лови. На медведя с рогатиной ходили, короче, лучше

места на земле нет. А как приятно пробежать утром по росе босиком, по сплошному ковру, расцвеченному яркими луговыми цветами. Прибежать на луг и просто поднять голову вверх: небо ясное, утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Приветно-лучезарное солнце мирно всплывает под узкой тучкой, а потом погружается в её лиловый туман. Потом хлынут играющие лучи, и весело, и величаво словно взлетая поднимется могучее светило. И даже постоянное чувство голода, преследующее нас всё детство, не может испортить такую прекрасную картину, созданную самой природой. Родители еле сводили концы с концами, нам приходилось с утра до вечера помогать им и в поле, и на огороде.

В Мценском уезде распространено мельничное дело. На реке Зуше и ее многочисленных притоках стоят мельницы, крупорушки. Много мельниц было в Мценске. Только на реке Ядринке их было три. Мы тоже сеяли в поле зерно, излишки продавали на рынке. А у дома сажали все, что можно продать или съесть. И все бы ничего, да вот Дмитрий Матвеев, местный барин – «кровопийца», обложил оброком по сорока рублей с тяга, да ещё мы должны были ежегодно поставлять по тридцати яиц и по пяти куриц, так же ходить всякий день на работу. Работать на него, да ещё иметь три осьмушки десятины земли, которою должны сами кормиться, да ещё барина кормить. Хоть по миру иди, поди в ту же пору. Знаки подобострастия он принимал как надлежащую дань. И никто из крестьян не дерзал отказываться от его буйных увеселений. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Почти каждый вечер барин бывал навеселе. С крестьянами и дворовыми обходился он строго и свое нравно. Поначалу ходили жаловаться в Мценскую прокуратуру, но Матвеев купил там всех, и на каждую нашу жалобу он отвечал нам повышением оброка. Так что, детства у нас с Богданом, можно сказать, и не было. Дома у нас стояли рядом, родители дружили, и мы росли как братья. Чуть подальше от нас жила семья лавочника, была у него дочь Алена – красавица на всю деревню. И была у них дружба с Богданом, можно сказать – любовь. Ох, и дрались мы за нее: с городскими, и так, кто косо посмотрит на Аленку, а рука у Богдана всегда была тяжелой, никто не мог на ногах устоять.

Когда подросли, и было нам уже лет по двадцать, мы с Богданом стали ходить в город, на работу: разгружали вагоны на вокзале, и баржи на пристани. Платили мало, но сразу на руки, и мы могли что-то купить, да и оброк было легче платить. Так, понемногу, у Богдана набрались деньги на свадьбу с Аленой. Отец ее поначалу был против, но, видя какая меж ними любовь, согласился, и родители назначили день свадьбы. Надо сказать, в Ядрино такой гулянки еще не было: веселилась и пила вся деревня. В тот же день к барину приехал сын из Германии. Обучался он там наукам всяким. Проезжая мимо, барин решил зайти посмотреть на молодых, да сына своего показать. Сынок, такая же тварь, как и его папаша, был изрядно пьян. Выйдя из кареты, направился, расталкивая людей, прямо к молодым. Я рядом встал, зная, что Богдан лишнего не стерпит, стал меж них и не пускаю молодого барина.

– Барин, поздравьте их, да идите с миром, – говорю ему.

Но он не унимается, ему непременно хотелось поцеловать невесту. Ссору уладил старший Матвеев. Подошел к сыну, стоявшему рядом с Богданом, и говорит:

– Погодь, негоже молодым праздник портить. Пойдешь ко мне работать? – и смотрит так противно в глаза Богдана.

– Нет, не пойду! – резко ответил Кузьмин.

– А что так?

– А не с руки мне, да и в городе у меня работа есть, – не отступался мой друг.

Богдан смотрел ему прямо в глаза, а барин привык, когда перед ним голову преклоняют, и от этого становился ещё злее.

Отец Алены налил стопку водки и сказал, протягивая барину:

– Барин, поздравьте молодых! Радость – то какая у нас.

– Завтра утром придете ко мне, решу, что с вами делать, – не унимался Матвеев.

Сквозь толпу барин шел быстро, его свита расталкивала людей. Надо сказать, что без охраны он не ходил даже в уборную. Видно, боялся гнева людского. В свите у него было человек пятнадцать настоящих головорезов, все были «не наши», местных он не брал. Люди говорили, что он их от тюрьмы откупал, и они за это были преданны, как собаки хозяину.

Бывало, что кто возразит барину или поругается, пропадал человек и все. Поэтому и боялись его люди, а он за малейшие провинности наказывал как хотел – публичные избиения были в порядке вещей. Даже кто плохо поклонился ему, сразу наказывали плетьюми. Любую девку из деревни брал, приводил к себе в покои и делал, что вздумается. Вот мы и боялись в тот день, что может погубить семью молодую. Да и Богдан не смолчит, если Аленку кто обидит. Я предложил ночью уехать из деревни, но все же решили утром идти к Матвееву. «Будь что будет, – сказал я, – как хотите, но я пойду с вами». На том и порешили.

Брачная ночь молодым была, конечно, испорчена. Я остался около их дома, на лавке. Огляделся кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, еще много времени оставалось до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Я всё думал о прошедшем дне и не мог уснуть. Петухи пропели рано, но я не спал, все лежал и думал: «Как земля такую мразь носит, и сколько еще таких людей на земле живет. И почему хорошие люди все бедные, почему с богатством становятся злее. Может, злой рок над Россией висит? Почему, кто работает, ничего не имеет? И так было и при моем деде, и до него, наверное, будет и после меня, и над моими детьми будет издеваться этот сынок барский. Нет, лучше я умру сегодня с другом героем, чем пресмыкаться всю жизнь.»

Домой я ночевать не ходил, так у дверей молодых и провел ночь. За этими думами меня и застал Богдан, выйдя из комнаты усталый, но счастливый:

– Ну как, дружка, ночка? – спросил я.

– Да... ничего, – ответил он и стыдливо спрятал глаза, – ты-то как здесь на лавке спал? Я думал, ты домой пойдешь.

– Да у тебя лавка, как у меня дома печь, вот только кровать у тебя скрипела, спать не давала. Как там Аленка? Живая?

Вдруг дверь открылась и на пороге появилась Алена. По ее виду было понятно, что весь разговор она слышала. Богдан по – детски обнял меня и мы побежали на речку.

Река Зуша текла за деревней. Мы купались, как в детстве резвились и брызгались, хотя вода по-весеннему была холодна. Вдруг Богдан резко остановился и строго сказал:

– Ты со мной сегодня не пойдешь! Понял?

– Нет.

– Понимаешь, я не смогу смолчать, если они Аленку тронут. А если я их трону – они меня в живых не оставят. Сам знаешь: я не хочу, чтобы с тобой тоже ...

Я прервал его на полуслове:

– Подожди, ты хочешь, чтобы я остался жив.

– Ну...

– Даже если с тобой что случится?

– Да!

– Тогда скажи: как мне жить, как людям в глаза смотреть? Понимаешь, в жизни бывают моменты, когда лучше умереть с другом, чем жить одному и всю свою жизнь казнить себя за трусость.

Богдан посмотрел на меня и сказал:

– Знаешь, если у меня есть такой друг, как ты, то жизнь я прожил не зря.

– Ну, хватит, а то я смотрю, ты уже помирать собрался. Знай, мы им просто так не дадимся, возьмем с собой прутья, может хоть двух, трех молодцев с собой прихватим.

– Подожди, – сказал Богдан, – надо подумать. Пойдем к ним, когда половина охраны уедет муку в город отвозить. Их останется человек семь – восемь, возьмем прутья побольше.

Так за разговором незаметно подошли к воротам, из них к нам навстречу выбежал перепуганный отец Богдана. Сказал, что барин за ними уже посылал.

– Богданушка, бежать вам надо. Не простит он, что не поклонился ему. Беги, сынок, беги.

– От себя не убежишь.

– Может, сынок, ты и прав, пойдешь к барину, в ноги упади, прощения попроси. – Хорошо, я так и сделаю, – ответил сын отцу и вошел во двор.

Войдя, мы увидели Алену. Она была уже одета. «О, как она красива! – подумал я, за такую и на смерть можно идти, и на каторгу».

В заборе мы выломали два хороших железных прута, за этим занятием нас застала Алена: – Вы что надумали, погубить нас захотели? Попросим у Матвеева прощения, он добрый, он простит. Да и собственно, что мы сделали, может он нам хочет работу предложить, а вы на него с дубинками.

Ее слова со слезами на глазах как-то убедительно звучали, и мы подумали, может и правда пронесет, но прутья под рубаху положили.

Подходя к дому барина, мы увидели, что две телеги с зерном были уже загружены. Специально замедляя шаг, мы ждали, пока телеги уедут. Они не заставили себя долго ждать. На телегах уехали семь человек. Это хорошо. Значит, осталось пять – шесть.

Дом Дмитрия Матвеева был самый большой в деревне – в два этажа. Первый этаж занимала прислуга, свита, второй этаж занимал он со своим сыном. Жена барина давно на себя руки наложила – довел гад. Вокруг дома был высокий забор, через который перелезть без веревки было нельзя.

Войдя во двор, мы остановились. На большой скамье, как на троне, сидел Матвеев. Рядом – его сын, худощавый с противным крысиным лицом. – Ну? Что встали? Я за вами уже посылал! Я не люблю ждать.

– Ну, брачная ночь, – краснея, сказала Алена.

– А ты чего приперся, – барин свирепым взглядом посмотрел на меня.

– Я подумал, вы им работу предложите, может и мне что найдется.

– Нет. Для вас обоих – нет, а вот для этой красотки найдется работа, на заимки у моего сына. Вы пошли вон отсюда. А она начнет работать прямо сейчас.

– Нет. Работать она здесь не будет! – громко и уверенно сказал Богдан.

– Гоните их в шею, а ее в мои покои, – Матвеев встал и пошел в дом.

Здоровый мужик хотел взять Алену за руку, но Богдан стоял рядом и нанес ему такой удар, что он отлетел на несколько метров и упал без чувств. Мы достали прутья, встали спина к спине и приготовились к бою. Я крикнул Алене:

– Беги!

Она убежала, но из-за ворот продолжала смотреть. Барин не ожидал, что так получится и какое-то время стоял в недоумении, но потом, оценив обстановку, видя, что мы готовы на все, как будто ни в чем не бывало, сказал: – Зачем ты его ударил? Ну не хочет она работать и не надо. Пошли вон!

Мы какое-то время стояли в недоумении и не могли поверить, что он нас отпускает. Мы были готовы к любому повороту, но только не к такому что барин нас просто отпустит.

Дней десть мы не видели ни барина, ни его холоуев. Но, однажды утром к нам во двор пришли солдаты и сказали, что я призван на военную службу сроком на пятнадцать лет. Нам стало понятно как барин отомстил. Вот сволочь, наверное, и к Богдану тоже пришли солдаты. Как же он будет с Алёной расставаться – ведь любовь у них. Я махнул через забор и сразу услышал плач женщин. Посреди двора стоял Богдан. Вид у него был рассеянный и, казалось, что мой друг не понимает происходящего. Я спросил у стоявшего рядом офицера:

– Когда мы едем?

– Да время еще есть. Поезд в восемь вечера, прощайтесь, собирайтесь в дорогу на Кавказ поедом. А на меня не сердчайте – я тоже человек подневольный. Слышал, что Матвеев сильно хлопотал о том, чтобы вас в армию забрали.

Офицера посадили за стол, принесли еды, накормили солдат, что с ним приехали. Алена с Богданом закрылись в комнате и долго говорили. Родители наши накрыли один большой стол, позвали родных, соседей. Проводы отметили как надо.

Уже во второй половине дня собрались уходить на вокзал. Проходя мимо барского дома, Богдан спросил: – Ваше благородие, позволь с барином проститься.

– Ну, давай, прощайся, – разрешил офицер.

Матвеев вышел из дома и с ехидной улыбкой посмотрел на новобранцев. Мы направились к нему. Поравнявшись, Богдан, смотря в упор в противное лицо, сказал:

– Слушай, скотина, если ты или твой выродок хотя бы посмотрите в сторону моей жены, я приду и убью вас обоих. От таких слов барин побагровел от злости и, повернувшись к своим холоум, заорал так, что услышали не только они, но и весь двор:

– Высечь его.

Офицер, подошел ближе, сказал:

– Это уже не ваш человек. Это – собственность российской армии. Потом высечешь. А пока мы его стрелять научим, башки козлам рубать, и вот потом высечешь, если сможешь.

– Офицер, вы угрожаете мне? – растерянно спросил барин.

– Помилуйте, барин, я говорю про козлов, надеюсь, вы не один из них. А впредь запомни: мы своих солдат в обиду не даем. Ну, мы пошли, а ты думай здесь и не забывай то, что я тебе сказал.

Друзей провожала вся деревня до самых ее окраин. Отец Богдана, шел рядом, давал наставления:

– Сынок, ты за жену не переживай, мы ее в обиду не дадим. Думается мне, что припугнул ты его хорошо. По нем видно было, что боится, иначе не держал бы такую охрану. Ну, а что служить тебе, значит судьба твоя такая. Родину, сынок, тоже надо защищать! Ведь сколько врагов на нас нападало, французов вон только побили, а народу сколько полегло?! Ты только с головой воюй, вон, дядька твой, всю войну прошел – крест имеет. До Парижа дошел, и не одной царапины. Вот так и ты: где надо – полежи, а где надо – первым в бой иди. Знай: трусов у нас в роду не было, и ты не опозорь наш род.

Алена, взявшись за руку мужа, шла молча, слезы лились по щекам. Она и не пыталась их вытирать. Богдан шел рядом, не находя слов утешения, только сильнее прижимал её к себе. Слушая отца, он все думал: "Как Алена будет одна пятнадцать лет? Приду домой – мне будет тридцать пять. Да Матвеев тут еще, все – таки хорошо я ему сказал, и видно было по глазам, что я его напугал. А как офицер ему хорошо сказал про козла. Надо при случае его поблагодарить".

– Вот и последний дом, давайте прощаться, – сказал я и обнял отца с матерью.

Все стали обнимать нас и плакать, особенно наши мамы да Аленка. Я тогда еще подумал, придется ли свидеться, ведь срок то очень большой. Женщин успокоил дядя:

– Ну, что вы плачете? Негоже так, чай войны сейчас нет, хорошо будут служить, глядишь – и на побывку приедет.

Это всех утешило, родные успокоились и начали расходиться, договариваясь о письмах. Богдан отвел в сторонку соседа по кличке "Ученый", который и правда был ученым – читать умел. Он и нас с Богданом научил всем наукам, какие знал.

– Дядь Наум, ты если что тут, отпиши?

– Хорошо, Богданушка, не тревожься, сделаю все чередом, ты вернись только живой и здоровый.

"Учёный" и Богдан крепко обнялись. Мы вышли на дорогу, а все наши односельчане стояли на холме и махали платками, пока мы не скрылись. На душе стало очень тоскливо. Я взглянул на друга – в его глазах стояли слёзы.

Мы шли молча до самого Мценска. Солдаты и офицер думали о чем-то своем, может быть вспоминали, как так же и их когда-то забирали.

Богдан подошел к офицеру:

– Спасибо вам, господин офицер.

– За что?

– Ну... что вступились за меня перед баринном.

– А, солдат, пустое, знал бы ты, как мне хотелось дать в морду этому барину. У меня и у самого такая история, да почитай у всех солдат похожие истории. Помещики отдают в солдаты, неугодных и непокорных, а хороших и смиренных они держат возле себя. Но ничего, по себе знаю: из таких как вы, хорошие солдаты получаются.

Я подошел поближе и спросил:

– А что у вас за история? Может расскажете, как вы пришли в армию?

– Да почти, такая же как у вас. А вот у моих родителей похуже будет. Жили они в селе Пашутино после войны с французом. Помещица там была Аграфена Шеншина. Отличалась она особой жестокостью. Сколько ж люду погубила, всю семью порешила: отца, мать, деда. Мал я тогда был, но помню, она не просто убивала, а издевалась: руки, ноги отрезала у людей и только потом убивала, много было у нее помощников таких же больных, как она. Жаловались на нее, в Москву писали, и только в 1817, уже в престарелых годах ее осудили заключить навсегда в женский монастырь. Ее бы на плаху надо, а они – в монастырь. Знаете, что самое сложное в солдатской жизни?

– Что?

– Подавлять крестьянские восстания. Много наших переходили на сторону восставших и принимали смерть от своих же солдат. Но хочу сказать, что не все помещики плохие. Вот у моего свояка в Тульской губернии живёт помещик. Всем крестьянским детям школу открыл, оброк не такой как у нас, зато и любят его крестьяне. А когда было восстание, крестьяне вступились за помещика, помня его доброту и не дали сжечь его дом. Так что помещики тоже разные бывают.

За разговором мы не заметили, как подошли к церкви, где стояли еще десятка два таких же новобранцев, как и мы. Вид у них был, похожий на наш. По своей воле, наверное, в солдаты не ходят. С моим веселым характером мне хотелось как – то пошутить, подбодрить ребят, но в голову ничего не приходило.

– Ну, вот и все, – сказал офицер, подходя ближе, – не поминайте лихом. Моя миссия закончена, теперь у вас будут другие командиры. Я вам так и не представился. Зовут меня Жуков Николай Николаевич, я живу на улице Безбожной, дом №16. Если будет возможность заходите.

– Спасибо вам, Николай Николаевич, за рассказ душевный, за помощь, за понимание. Я думаю, что если в армии есть такие офицеры как вы, там можно служить, – сказал Богдан, пожав офицеру руку. Жуков по-военному козырнул и ушел. Я посмотрел на друга и сказал:

– Молчишь, молчишь, а как скажешь – опять ты меня удивляешь.

Стоявшие рядом ребята спросили:

– А почему офицер вам честь отдает?

Я подошел поближе к ним, чтобы все слышали и, показывая на Богдана, ответил:

– У него отец – полковник.

Рыжий парень аж присвистнул:

– А че ж, он в солдаты?

– Это у них семейная традиция такая, отец его тоже с солдат начинал.

Богдан думал об Аленке, о родителях, не слушая, что я говорю и не понимая, почему все на него так смотрят.

Перед отправкой нас всех завели в церковь. В церкви батюшка прочитал молитвы, мы помолились за семьи наши, за судьбу свою горемычную, поставили всем святым свечи и вышли. Всех построили в строй и повели на вокзал, там уже стоял поезд, пуская пар. У вагона стояло еще человек тридцать. Все терпеливо ждали команду на погрузку. Рядом стоял солдат лет сорока и говорил:

– Давно в южное направление не посылали столько солдат, видно, что-то затевается там с турками, не иначе скоро война.

Рыжий подошел ко мне тихонько спросил:

– Слышь, спроси у друга, че – война шо ли, а?

– Ну да, а чего мы тогда здесь с Богданом делаем?

– Слышь, ну а когда, а?

Народ сгущался вокруг нас слушали внимательно веря каждому моему слову. Меня несло:

– Вот к зиме и начнется. Мы специально пораньше пошли, чтобы подучиться малость. Стреляю я плохо, а без ружья ты не воин.

Рыжий не унимался:

– А че твой друг такой грустный, ежели он по своей воле в солдаты идет? – Вот тебе что надо от службы: поесть вволю, да поспать. Так?

– Ну так!

– А ему надо в офицеры выбиваться, понял?

– Понял, – ответил рыжий, – тяжело ему будет, но может папаша поможет?

– Нет, он должен сам, сила воли у него большая.

Кто-то издали крикнул по вагонам. Мы стали грузиться, Богдан последний раз оглядел вокзал в сердце защемило, он сделал над собою усилие чтобы успокоиться. В вагоне лежала солома, было ясно, что лежачих мест всем не хватит.

Рыжий услужливо всех растолкал, и пригласил меня с Богданом в дальний угол, где соломы было больше. Абрамов проверил свое лежачее место, понравилось. Что этот рыжий хочет? – спросил Кузьмин.

– А я знаю? Уважает, наверно.

– Мы легли на солому. Богдан сразу уснул, я подумал про него: намыкался, бедолага, поезд дал длинный гудок и тронулся. В маленькое окошко было видно, как проезжали старинную Мценскую крепость на горе, где видны были еще развалины былой славы по углам еще стояли высокие деревянные башни. Сколько пришлось пережить Мценским жителям, сколько раз пришлось им отбиваться от врагов за этими стенами. Проехали Стрелецкую слободу, начался лес, где-то там наша деревня. Придется ли свидеться с родителями еще, иль убьют в дальней чужой сторонке? Я повернулся к своим новым товарищам. Все они смотрели то на меня, то на моего друга и чего-то ждали. Я про себя подумал: соврать им еще что-нибудь? Ан нет, пусть пока это переварят, а я лучше посплю.

Проснулся я от того, что меня теребил Богдан:

– Слышь, Колюха, про какого полковника они у меня спрашивают? Про какую войну я им должен рассказать?

Позади него стоял рыжий и еще человек десять и с нетерпением ждали, что я отвечу. – Богдан, ну что ты злишься, ты же не сказал, чтоб я про твоего отца – полковника не рассказывал, да и что такого, что я рассказал? Пусть знают, мы ж теперь как одна семья, что ж тут скрывать.

Богдан недовольно посмотрел на меня, махнул рукой:

– Трепло ты.

И лег рядом. Я встал – надо было продолжать.

– Вот нашел тайну, все равно рано или поздно узнают. Полковник – это не прапорщик.

Все посмотрели на сына полковника как-то с сожалением. Поезд остановился, рыжий подошел к Богдану и спросил:

– Что за город?

Кузьмин выглянул в окно, на доме написано: Орел. Наверное, это был вокзал. Там была большая стройка. Рядом с вагоном ходили строители: они что-то носили, пилили доски большой пилой, в вагон проник запах ели, опять вспомнилась деревня.

– Орел, – ответил Богдан рыжему, – вон написано – читай!

– Да я не шибко грамотный, – сказал рыжий и посмотрел в окно.

Я про себя подумал: хорошо, что нас дядя Наум грамоте обучил. Дверь в вагон открылась и человек в военной форме спросил громким командным голосом: – Кто старший в вагоне? – все сразу посмотрели на Богдана, а он – сурово на меня.

– Я, – ответил Богдан, подходя к офицеру.

– Смотри за чистотой, кто будет хулиганить, докладывай лично мне. Дорога дальняя мало ли что может быть. Я – начальник поезда, капитан Марков. Понял? – Слушаюсь, ваше благородие!

На восьмой день пути поезд остановился где-то в чистом поле. Все кто был в нашем вагоне, сошли, оглядели чистую поросшую не высокой травой степь. Верхом на коне сидел совсем молоденький прапорщик, было видно, что он нас давно поджидает, вся его форма была в пыли. Прапорщик приказал всем построиться и следовать за ним. Местность была совсем не такая, как у нас: то спуск, то подъем. Здесь была ровная степь, сколько не всматривались вдаль путники так нечего и не видели. И жарче здесь намного к полудню солнце стало печь сильнее.

– Пить хочется, – сказал Богдан прапорщику.

– Потерпите еще немного, скоро придем к роднику, там и напоят вас и накормят.

Вскоре показался маленький лесок, он рос вокруг небольшого озера, среди деревьев горел костер, над костром висел большой котел, запахло мясом. Солдат в форме большой палкой мешал приготовленную еду, и косо поглядывал на новичков.

– Слушай мою команду – крикнул прапорщик – всем обедать, через час снова в путь.

Так шли десять дней и ночей, один раз в день, в каком не будь укромном месте, поджидал солдат он кормил поил и снова шли, на одиннадцатые сутки природа стала меняться степь была уже не такая ровная как раньше. Стали попадаться встречные люди они тоже сильно отличались от нас. Вдалеке показалось какое-то селение. Их жилища тоже резко отличались от наших: здесь не было деревянных изб как у нас. В основном стояли каменные дома. Но большинство домов было бедных, похожих на наши "мазанки". Мы шли по узкой улочке. Жители деревни выходили из своих домов и оглядывали нас; женщины ходят, как в мешке – одни глаза торчат. Я спросил у того, кто шел рядом:

– Почему женщины прячут лицо в мешок?

– Это чадрой называется, – ответил кто – то сзади.

– И зачем прятать лица?

– А кто их знает! Басурмане...

– Да, – сказал я, – во попали, и что – нам с ними пятнадцать лет жить?

– Да нет, они тебя убьют скоро.

– Почему?

– Русским нельзя смотреть на их женщин. А ты пялишься как на своих. Вот ночью придут в казарму и кровь тебе пустят.

Все вокруг как то примолкли. И уже с опаской поглядывали на глазающих вокруг местных жителей.

– Пусть сотню солдат ищут! – сказал спокойно Богдан.

– Зачем? – спросил все тот же знаток Востока.

– Я встану на защиту Николы, и посмотрим, каким цветом у них кровушка: красна или черна, как они сами.

Возражать "сыну полковника" никто не стал. Наутро следующего дня показался какой-то город. В нем были длинные, но узкие улицы. И дома казались побогаче. Мы шли по главной улице города. Жители города глазели на нас, оглядывая с ног до головы. Я повернулся назад, ища глазами того, с кем только что говорил.

– Слышь, знаток востока. Они на нас так смотрят. Я надеюсь, нас здесь не скушают. Что-то они голодными глазами глядят.

За городом было небольшое селение, вроде нашей деревни. В самом конце этого селения мы увидели большой забор. С дальней стороны были высокие, полуразрушенные стены древней крепости. По углам стояли сторожевые вышки, на которых стояли караульные. Они пристально нас оглядывали. Тот шутник, что шел позади, сказал:

– Вот, друзья, здесь мы и проведем свои лучшие годы.

Глава 2

Ворота открылись, перед нами открылась очень большая территория, на которой было не меньше тысячи солдат, каждый из которых занимался своим делом. В центре туда-сюда ходили солдаты. Некоторые из них были уже с седой бородой, и все равно ходили, не смотря на чин и возраст. С правой стороны были казаки, они на полном ходу рубили шашкой горшки, висевшие на палках. Я подумал: "Вот бы попасть к казакам". Подошел к Богдану:

– Послушай, друг. На коне – не пешком, пойдем попросимся "в казаки", может возьмут, ведь не было в деревне лучше наездников, чем мы.

– Ну, в общем, да, – спокойно сказал Богдан.

– Чего "да"? – не отставал я от друга.

– Можно в казаки.

– От тебя слова не добьешься, я не пойму: ты хочешь или нет?

– Надо осмотреться, потом видно будет.

– Мне в казаки хочется, может не зря нас дядька твой верховому делу учил, может годится, а?

Дядька Богдана, когда пришел с войны, захотел из нас сделать наездников. Сначала он посадил нас на бревно, дал камень в ноги, и мы должны были его держать. Это для того, чтобы ноги были сильные: во время боя конем ногами управлять, а руками врагов бить. Когда мы научились управлять конем, он дал нам палки в руки и учил бить сразу двумя руками. Много прошло времени, пока мы научились, ведь тот, кто владеет двумя мечами, непобедим, и мне казалась, что равных нам у казаков нет. Поэтому мне хотелось попасть к ним. Прапорщик, что нас привел, подождал, пока мы напились, крикнул:

– Стройся в баню, пойдем грехи смывать.

Баня была хорошая, с березовым веником, интересно: откуда веники? Берез я здесь не видел. После баньки нам выдали форму. В новой форме мы казались все одинаковые, я никак не мог найти Богдана, а он сидел рядом.

– Да, у казаков форма лучше, – сказал Кузьмин.

– Конечно, лучше, пойдем проситься?

– Погоди, оглядеться надо.

– Ну гляди, гляди.

Ужин был по распорядку, нас поселили в отдельную казарму, показали, кто где будет спать. Прапорщик всё объяснил и ушел. Утром нас разбудил громкий крик дежурного:

– Сотня, стройся!

Итак, началась наша служба. Перед строем стоял офицер с суровым видом и очень громко говорил:

– Меня зовут штаб-капитан Павлов Андрей Ильич! Ко мне обращаться: Ваше благородие. Передо мной стоит задача: в кратчайший срок сделать из вас солдат. Я со своей стороны буду от вас требовать все, что захочу. Вы со своей стороны будете выполнять все, что я вам прикажу. Всем все понятно?

– Так точно, ваше благородие.

Вот так и пошли наши деньки солдатской, нелегкой службы. С утра до вечера мы только учились ходить левой, правой, туда, сюда. Хуже всего приходилось переносить жару, вода всегда была теплой, вонючей. За малейший проступок заставляли стоять на одной ноге и час, и два. И это самое легкое наказание. Бывало, рассказывали, за злостное нарушение дисциплины проводили сквозь строй – редко кто выживал после такого побоища.

Офицеры в полку были разные, нам с Павловым не повезло – очень суров был, не жалел нас, будто не люди мы. К концу месяца мы понемногу стали втягиваться в службу. Как-то капитан вызывает Богдана к себе и спрашивает:

– Кто твой отец?

– Крестьянин.

– А у меня другие сведения. Грамоте обучен?

– Так точно, ваше благородие обучен.

– И говоришь, что ты – крестьянский сын?

– Так точно.

– Ну ладно, иди, – с недоверием сказал Павлов.

Рядом на стуле сидел урядник в казацкой форме, уже в годах, он с вниманием оглядывал Богдана и поглаживал свою бороду.

– Вашбродь, он нормально служит, ничем не отличается от других.

– Ты меня не учи, позови ко мне Абрамова.

– Вашбродь.

– Все, пошел вон!

Через минуту я уже стоял на пороге.

– Разрешите, ваше благородие.

– Да, проходи.

Я прошел в темную комнату. В ней было только одно окно и то было похоже на бойницу, рядом с окном стояли ружья. Я окинул их взглядом: должно хватить на всю нашу сотню. Павлов оглядел медленно меня с ног до головы и начал:

– Скажи – ка мне, Абрамов, почему ты всем говоришь, что Кузьмин – сын полковника, а он сам это отрицает. Ты ведь с ним с одной деревни, так?

– Так!

– Ну, вот и расскажи, а то мне непонятно. А я очень не люблю, когда что-то не понимаю, я в своей сотне должен знать все, – уже со злобой сказал Павлов.

Я решил для себя: если начал врать, то надо врать до конца.

– Ваше благородие, это очень длинная история.

– Я слушаю, – уже с яростью в голосе сказал Павлов.

– Его отец еще не закончил гимназию, – начал я, – французы заняли нашу деревню, все, кто мог защищать Родину, держать оружие в руках, ушли, кто в партизаны, кто в армию. Семен, так звали его отца, попал служить в армию генерала Барклай де Толли. Был у него ординарцем, всю войну прошел, дошел до Парижа. По окончании войны его ждала академия генерального штаба.

Меня несло. Капитан и урядник очень внимательно слушали, мне это нравилось, и я продолжал:

– После генштаба Семен приехал в деревню к Марфе. У них вскоре родился сынок Богдан. Но после Москвы и Петербурга Семен не смог жить в деревне; люди говорили, что в Москве у него есть еще жена, дочь Московского губернатора.

Павлов при этих словах аж со стула подпрыгнул, подошел к окну.

«Вот блин, наверно губернатора я зря затронул», – я помолчал.

– Дальше что?

– Богдан хотел, чтобы отец жил с ними и из-за этого они сильно ругались с отцом. Семен всегда говорил, что он с самых нижних чинов до полковника дослужился. Поэтому Богдан и пошел служить добровольцем. Ну и я с ним, вроде как ординарцем.

– Какое образование вы получили?

– Гимназия и все.

– С таким образованием он выше поручика не поднимется, да и это звание еще надо заслужить.

– Он надеется на скоро грядущую войну.

При этих словах Павлов резко спросил:

– Какая война? У нас перемирие.

– Ой, господа, не выдавайте меня, но Богдан сказал, что война будет через месяц, может – два, с мюридами вновь.

– Кто ему сказал? – спокойно спросил капитан.

– Эти новости из самого Петербурга.

– У нас сними перемирие, – повторился капитан.

– Да я почему знаю.

– Ладно, ступай, солдат.

– Господа, прошу, не выдавайте меня, Богдан убьет меня, если узнает, что я вам про его семью все рассказал.

– Хорошо, ступай.

Я вышел. Пройдя немного, увидел стоявшего Кузьмина.

– Ты че тут?

– Тебя жду!

– Зачем?

– Хочу узнать, зачем тебя вызывали. Только не ври мне.

– А че мне врать? Хотели назначить меня урядником, но я отказался.

Богдан сильно меня толкнул.

– Сказал же, не ври мне! – он резко повернулся и пошел прочь.

Капитан Павлов сидел за столом, рассматривая карту:

– Послушай, урядник, я в затруднительном положении, не знаю, что мне делать. Я должен доложить о грядущей войне, но если он врет, меня поднимут на смех.

– Не извольте беспокоиться, вашбродь, пусть будет как есть.

– Ладно, пусть, но к утру подготовь ружья, будем учить стрелять.

– Извините, конечно, но на обучение у нас нет патрон.

– Как нет? – удивился Павлов.

– Да так, нет и откуда им быть? Когда последний раз привозили!?

– Наверное, все таки придется доложить о войне, а то начнем без патрон, навоюем, положим всех, – Павлов оделся.

– Смотри тут, я в штаб.

Полковник Аркадий Степанович Степанов был очень строгим к нижним чинам и очень требовательным к офицерам, мог за серьезный проступок ударить в зубы солдата, но что уди-

вительно: не позволял офицерам бить солдат, и если это случалось, то мог и сам дать по морде офицеру, но никогда не сделает подобного при солдатах.

Аркадий Степанович сидел за столом и пил чай. Рядом был его давний друг – майор Семкин Сергей Александрович: среднего роста, слегка лысоват, крепкого телосложения. За дружеской беседой их застал Павлов:

– Разрешите.

– А, штабс-капитан проходи, садись, давай сразу к делу. Я тебя пригласил вот зачем. Сегодня после обеда придет обоз с оружием. Пушки возьмет майор, а патроны и винтовки поставь у себя. Понял?

– Так точно!

– Завтра с утра начнешь обучать стрельбе. Как они у тебя?

– Да нормально.

Дверь открылась, на пороге стоял посыльный:

– Ваше благородие, я не могу Павлова найти, нет его нигде.

– Ступай, солдат, он уже здесь. Павлов встал.

– Разрешите идти?

– Да, ступай, Андрей Ильич, а ты зачем приходил?

– Да как раз за этим и приходил.

– Не понял?

– Не знаю, как вам сказать, Аркадий Степанович.

– Говори как есть.

– У меня солдат есть. Про него говорят, будто у него отец – полковник, а у того тесть-губернатор Москвы. И еще, что война будет через месяц – два. До больших чинов хочет дослужиться. Да сам он все это скрывает, это дружок его рассказал.

– Ну, что тебе сказать, – немного подумав, начал полковник, – война действительно уже рядом. А как фамилия солдата?

– Кузьмин Богдан.

– А солдат какой?

– Отличный солдат.

– Ну, тогда не препятствуй ему в продвижении по службе. Пусть послужит, потом видно будет.

– Разрешите идти.

– Да, ступай.

Павлов вышел из штаба и направился прямо на плац. Там вся сотня ходила взад – вперед. Капрал, идя рядом, увидел капитана и крикнул:

– Смирно.

Павлов спросил:

– Где Кузьмин?

– Я здесь.

– Возьми пять человек на разгрузку обоза – привезут винтовки. Пятьдесят винтовок поставь ко мне в кабинет.

– Слушаю, ваше благородие.

– Остальным привести себя в порядок, скоро вас будут распределять кого куда.

– Разрешите вопрос, – сказал Богдан.

– Да.

– Кого куда – это как?

– А это если на коне хорошо скачешь, то в казаки возьмут; если хорошо стреляешь и смысленый – то в канониры. Добавлю, что у канонира самая почетная служба, хороший канонир – на вес золота, а так же почет ему и уважение.

Богдан опять спросил:

– А у кого нет способностей, того куда?

– Домой назад отправим, – ответил Павлов, и все засмеялись на его шутку.

– За это, солдаты, можете не переживать, я любого солдатом сделаю. Нет такого человека, чтобы я из него отличного солдата не сделал.

Обоз приехал вовремя; винтовки, патроны привезли, было ещё пять новеньких пушек.

– Богдан, а может нам в канониры? – спросил я.

– Может.

– Разговорчивый ты мой! Как мне приятно с тобой беседу вести.

– Да уж не такой трепло, как ты, – ответил с обидой Богдан.

– Я может и вру всем, только из-за того, что ты всегда молчишь. Ведь с тобой нельзя поговорить просто так, по душам а я человек общительный, мне с людьми разговаривать надо. Вот ты на меня обижаешься, а скажи – можно с тобой поговорить на любую тему?

– Можно, – ответил Богдан, немного подумав.

– Вот видишь, ты задумался!

– Слышь, Колюха, да говори ты, с кем хочешь, и о чем хочешь, только не обо мне. Зачем ты всем натрепал, что я сын полковника? На меня смотрят все, как на идиота – что солдаты, что офицеры.

– Ты своей выгоды не понимаешь, – не отставал я от друга .

– Какая еще мне с этого выгода, – возразил Богдан, – мне от твоей брехни уже тошно.

– Вот смотри: я за месяц уже два раза в наряде был, полы в казарме, уже не помню сколько раз, мыл. А ты хоть раз в наряде был? Полы хоть раз мыл? А на разгрузку обозов почему назначили старшим? Вот, дружище, увидишь, скоро на повышение пойдешь. Богдан, у меня к тебе просьба есть, – вдруг стал серьезным я, – ты исполнишь?

– Ну конечно, ты же мне как брат. Ну, говори, что хотел .

– Богдан, ты когда на повышение пойдешь, про меня не забудешь.

– Николай, мне кажется, что ты и сам в свою брехню веришь, навывдумываешь, и веришь, – уже спокойно и как-то с сожалением сказал Богдан, – не трогай меня, пожалуйста, своей враньей.

К нам подошли солдаты, один спросил:

– Богдан, скажи, а вот ты куда пойдешь: в казаки или канониры?

– Я хотел бы в казаки. – сказал Богдан и замолчал. Все посмотрели на меня, я смотрел, улыбаясь, на Богдана и молчал. Пауза затянулась.

– Ну, расскажи товарищам, что ты молчишь, – обратился я к другу.

– Рассказывай сам, продолжай свое дело, – сказал Богдан, вставая.

– Да нет уж, ты сам, – делая обиженное лицо, сказал я, – тебя старшим назначали.

Богдан пошел в одну сторону, я – в другую. Тот что задавал вопрос немного постоял и увлекая за собой остальных разошлись.

К вечеру мы собрались у костра и обсуждали, куда лучше пойти. Вдруг раздался сигнал караульного, все, кто находился рядом, побежали к воротам. Мы в недоумении стояли и смотрели на ветеранов. Ворота открылись, и перед нашим взором появился отряд казаков. Все они были в пыли. Видно, длинный путь проделали. Впереди ехал казак с погонями есаула. Увидев подходившего полковника соскочил с коня, подошел к полковнику и доложил:

– Ваше благородие, по вашему приказу полусотня с дальней заставы вернулась, среди личного состава больных нет, на заставе... – он посмотрел на окружающих их солдат и замолчал.

– Приведите себя в порядок с дороги и пожалуйста ко мне.

– Слушаю, вашбродь.

Есаул прошел к умывальнику, разделся, и мы увидели перевязанное плечо.

– Что с плечом? – спросил старый канонир в помятой фуражке.

– Да вот, пометили басурмане, – ответил с досадой есаул и добавил:

– Ох, ребята, скоро опять начнется, недолго ведать было перемирие. Скапливают они там большие силы, да турки им помогают. У них пушки Круковские. Как долбанут по нам, а мы сидим за стенами, выйти боимся, армяне с дальнего аула ещё когда ушли, и нам надо было давно уходить, да как без приказа уйти. Сколь людей положили. Им тропа нужна была, а мимо нас как пройти? Слава Богу, Павлов по своей технологии стрелять научил. Они три раза пробовали прорвать нашу оборону, но у нас что пуля – то в цель. Горы трупов оставались перед стенами. Но два дня назад им пушки привезли, они все наше укрепление разбили. Хорошо, что подвалы там глубокие и большие. В них мы и прятались. Ну, ладно, надо на доклад идти.

Он посмотрел на нас:

– Это что пополнение? Из Орла есть?

– Никак нет! Но есть из Мценска.

– Ты, что ли?

– Так точно, – сказал я.

– Ну, земляк, подь сюды, – мы обнялись.

– Как там земляца родная?

– Да как сказать.

– Ладно, потом расскажешь, мне к полковнику надо.

В кабинете полковника сидели уже все офицеры, не было только есаула, капитана и доктора, который перевязывал раненых, приехавших с заставы. Есаул вошел и, понимая, что ему здесь придется говорить, прошел поближе к полковнику. Начальник гарнизона, полковник Степанов встал и подошел к карте, подробная карта висела на стене:

– Господа, хочу доложить вам, что наместник генерал Муравьев в 1855 году в переговорах с Шамилем добился перемирия, но только на два года этого и хватило. В связи с этим предлагаю послушать есаула Русакова.

Русаков встал, подошел к карте и начал:

– Это у вас здесь, два года было тихо, – повернулся он к полковнику, – а на заставе нам так не казалось, у нас там по воду на речку по одному никто не ходил. Армян в ближайшем ауле семьями вырезали, последнее время особенно часто стали нападать на наши посты. Если кого в плен брали, никому живота не оставляли, казнили люто, не по-людски.

– Как погиб капитан Никулин Денис Степаныч? – спросил полковник.

– Поехал он в аул с пятью бойцами за продовольствием, а там их ждала засада, солдат поубивали, а Денис Степаныча хотели в плен живьем взять. В его пистолете патроны кончались, он саблей стал обороняться, встал спиной к амбару и бил басурман, пока сабля не сломалась. Потом обрезком сабли пронзил себе сердце. Одна армянка спряталась в доме напротив и видела все. Мы на том месте восемнадцать трупов насчитали, некоторые были пополам рассечены. Небывалой силой был наделен капитан и погиб, как герой. Так они, гады, его тело прибили на крест перед нашим редутом. После смерти капитана я принял команду на себя. Ночью мы с двумя десятками казаков отбили тело капитана и похоронили по православному. Не было у нас трусов, все дрались как львы, – есаул достал из кармана листок бумаги, – вот, господин полковник, список особо отличившихся бойцов, представленных к различным наградам.

Полковник взял листок, прочел.

– Русаков, я смотрю, вы себя первым в список внесли, от скромности не умрете.

Все засмеялись. Есаул со злостью в глазах подождал, пока стихнет смех, и сказал:

– Это не моя рука, это капитан Никулин писал, смейтесь, смейтесь, скоро вам не до смеха будет.

– Извини, есаул, ступай, отдыхать, – сказал полковник.

Есаул вышел, он был вне себя от шутки Степанова, а особенно – от смеха офицеров.

– Смеются сволочи, мы там воюем, а они здесь в тепле сидят, – он взялся за плечо. Оно вдруг сильно заныло, в темноте есаул не заметил, как я за ним шел. Есаул, не переставая, ругался. Я не мог понять, от чего он ругается: от боли в плече или от обиды в сердце. Русаков, бормоча себе под нос, подошел к своей сотне. Казаки в ночной тишине не спали – ждали его.

– Что ругаешься? – спросил кто-то.

– Да ну их, сидят сволочи, смеются, их бы гадов в ту резню.

Седой казак, подходя ближе, сказал:

– Зря ругаешься, есаул, там нет офицеров, которые не были в бою. Там есть такие, которые по боле твоего воевали, ну а смеются – правильно делают, на войне без смеха нельзя, смех нам помогает расслабиться, а так сердце не выдержит. А кто это с тобой?

Есаул повернулся ко мне и спросил:

– Ты кто?

– Я земляк из Мценска.

– А, ты! Давай завтра поговорим.

Я попрощался и ушел. Подойдя к казарме, увидел собравшихся солдат: "Меня, наверное, ждут; видели они, что я за есаулом пошел. Сейчас расспрашивать будут, а я не знаю ничего, опять врать придется". Я шёл, обдумывая, что им сказать. Вдруг на меня сзади кто-то набросился и сбил с ног. Это был Богдан. Я его такого радостного не видел давно. Он стал меня обнимать, целовать.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Я письмо из дома получил, Аленка пишет, – немного успокоившись, сказал Богдан.

– А мне письма нет?

– Тебе дружище письма нет, – с досадой ответил он, – но Аленка пишет и про твоих, все хорошо у них.

– Ну, давай поподробней.

Богдан начал читать, его жена писала, что у них все хорошо, барин их не трогает: «... Передай Коле, что его родители скучают по нему. Мы каждый вечер собираемся вместе и о вас говорим, как вам там горемычным служится. Хорошо, что войны нет...» Я спросил:

– Про моих больше нечего нет?

– Нет, больше ничего не пишет, привет тебе передает.

Я по его словам понял, что он что-то не договаривает.

– Ну, а еще что пишет?

– Пишет, что я к январю отцом стану, – как-то нерешительно сказал он. Я даже подпрыгнул.

– И что ты молчишь? С этого надо было начинать. Поздравляю тебя, друг, – сказал я, обнимая его.

– Да рано еще поздравлять, пусть родит. Я вот думаю: как мне казака назвать, а?

Он посмотрел на меня:

– В кумовья ко мне пойдешь?

– Пойду.

– Только бы родила хорошо.

– О, за это не переживай, твое дело главное, основное, самое сложное. А Аленке осталось родить и все, для баб это дело простое.

– Скажешь тоже. Ладно, кум, пойдем спать, завтра день будет трудным.

– Пойдем, – согласился я.

Утро сразу показалась не таким, как всегда. Нас, новобранцев, построили на плацу, полковник говорил громко и четко, по – военному .

– Солдаты , наступил день , когда вы присягнете на верность царю –батюшке, и с сего дня вы станете защитниками Отечества, защитниками своих земель, защитниками своих семей.

Теперь никто, кроме вас, не остановит врага, который решится нарушить покой наших жен, матерей. Помните, солдаты, что нет злее врага и бесчеловечнее, который достался нам. Во многих войнах участвовал, во многих битвах бывал. Но скажу вам, что нигде не встречался с таким врагом, который измывается над пленными, пыток которых свет не видел. Перемирие, которое заключил наш наместник, по всей видимости скоро закончится. И сейчас от вас требуется скорее стать в строй обученными верховой езде и стрельбе, потому как от ваших знаний может зависеть жизнь вашего товарища. Теперь о приятном: сегодня у наших ветеранов приятное событие. Есаул Русаков, выводит тех, кто закончил службу.

Вместе с Русаковым вышло еще двенадцать человек, видимо, они были подготовлены к этому, потому как одеты были «с иголки». Медали и кресты были у всех, есаул был полный георгиевский кавалер, и еще несколько медалей. На его мундире четко в ряд висели четыре креста. Мы, молодые бойцы, не сводили глаз с ветеранов и их наград. Я про себя подумал: «Это, наверное, традиция такая – в день присяги прощаться с ветеранами». Ветераны шутили:

– Салаги, не переживайте, и у вас будут кресты.

Невеселый стоял тот солдат, который ночью есаула учил сердце жалеть. Полковник тоже это заметил:

– Кузьмич, что невеселый такой? Аль трех крестов тебе мало? – пошутил полковник, – или домой не хочешь?

– Да нет, вашбродь, крестов в самый раз, только ехать некуда, дом мой еще десять лет назад барин вместе с семьей сжег.

– За что? – спросил полковник.

– Барин к дочери моей пристал, а сын вступился, ударил его. За это барин собрал в дом троих сыновей, двух дочек, жену, мать – старуху, дверь подпер и зажег. По щекам ветерана текли слезы. Он их не стеснялся.

– Разрешите обратиться, вашбродь, – как – будто проснувшись, сказал он.

– Слушаю тебя, герой.

– Разрешите остаться в строю, не могу я ехать домой, да и нет у меня дома.

– Ладно, Кузьмич, потом поговорим.

Кузьмич повернулся и пошел. Мы все стояли и смотрели ему вслед. Наверное, у многих здесь похожая судьба. Я посмотрел на своего друга – он опять ушел в себя. Богдан подошел ко мне:

– Слышь, кум, я вот не пойму: по всей России у бедных одна судьба.

– Ты не переживай, ты получил письмо, у твоих все хорошо, радуйся пока.

– Во-во, ты правильно сказал «пока». А что потом?

– Стройся! – крикнул дежурный.

– Давай, Богдан, вставай, пошли. Команда строиться.

Для принятия присяги построили нас на плацу, пришел священник, благословил нас. Все хотели сделать это торжественно, но рассказ Кузьмича тронул душу каждого: и солдата, и офицера. Похоже, праздник был испорчен. Да и какой это праздник? Скорее, наоборот.

После присяги было свободное время, мы сидели и думали каждый о своей судьбе.

– Кто мценский? – слышалось у входа.

– Я! – крикнул я и побежал к выходу. Там стоял есаул, блестя наградами и улыбаясь.

– Привет, земель, пойдем поговорим, расскажешь про Орел мой.

– Да я Орел видел, когда сюда ехал, и то из вагона.

– А раньше не был?

– Не приходилось. Только слышал – строится хорошо, что больше Мценска уже стал.

– Ну, а в Мценске у меня тетка, на Стрелецкой горе живет. Бывал там?

– Мы с отцом зерно на мельницу возили, а мельница у подножья Стрелецкой горы.

– Да, да, помню, – задумчиво сказал есаул.

– А где тетка живет? – спросил я.
– На горе направо, третий дом.
– А, знаю, хороший дом. Мы с Богданом на вокзал ходили каждый день по этой улице, я там каждый дом знаю. Богдан тоже здесь. Мы с ним из одной деревни, Ядрино.

Есаул задумался:

– Ядрино, это что за городом, в лесу.

– Так точно, Ваше благородие.

– Тебя как зовут?

– Абрамов Николай.

– Я с тобой как с братом поговорил, о земле родной вспомнил, как будто дома побывал, а ты «Так точно», мы что в строю, что ли? Говори свободно. Меня Андреем зовут, когда будем в строю, другое дело, а здесь расслабься.

– Андрей, я спрошу, ладно?

– Спроси. – Андрей, тебе когда домой?

– Не знаю, пока сотню сдам, пока вас понатаסקаю, думаю, через месяц, не раньше.

– Мы с Богданом в казаки хотим, поможешь?

– Что от меня будет зависеть – помогу, но вы и сами должны уметь все, как в стременах не слабы, казаки в сотне почти все из одной станицы. Все с детства на коне, а вы как?

– Я думаю, не опозоримся.

– Тут мало этого, вы должны быть лучше их, вас скольких привезли?

– Шестьдесят двух.

– Вот, а мне в сотню надо всего восемнадцать, и выбирать буду не я один. Сам полковник большой любитель этого дела. Выбирает самых лучших, завтра увидишь – будет целый праздник. Слушай, земляк, а может тебе в канониры пойти? Там лучше, и в бой они не ходят, издали стреляют.

Я сделал вид, что обиделся.

– Да ладно, ты не обижайся, сказал же: помогу.

– Спасибо.

– Спасибо скажешь, если живой и невредимый домой вернешься. Ладно, пойду к своим. Ну, пока, Колоха, завтра увидимся. Мы простились. Я рассказал все Богдану. Тот на мое удивление никак не среагировал.

Утро выдалось солнечное. Выйдя из казармы, я посмотрел на плац. Там уже суетились солдаты – готовили для экзаменов площадку. Строили на ней настилы из бревен, чтобы их перепрыгивать, рыли ямы, наполняя их водой, готовили копыя, сабли для джигитовки. «Весело сегодня будет», – подумал я.

После завтрака нас построили на подготовленной смотровой площадке. Здесь стоял весь полк. Зрелище обещали грандиозное. Из аула и города пришли гости посмотреть на казаков, все ждали приезда высокого начальства. Оно не заставило себя долго ждать. Приехал заместитель генерала Муравьева со свитой. Этот заместитель был не в военной, весь разодетый, как баба. Я таких нарядов никогда не видел. Его окружали в основном женщины, такие же наряженные, как он. Полковник Степанов ему отрапортовал:

– Князь, разрешите начать?

Князь небрежно махнул рукой, мол, начинайте. Полковник вышел на середину, встал так, чтобы было всем слышно и начал:

– Дамы и господа, позвольте мне перед началом немного объяснить правила нашего состязания. В казачьей сотне есть восемнадцать вакансий. Мы должны из желающих попробовать себя в джигитовке выбрать лучших. Участники должны преодолеть все препятствия: выйти на прямую, копьём сбить приготовленные горшки. И в заключении, на участника нападут пятеро конных казаков. Сабли у всех будут затуплены. Не обязательно их победить. Да

и скажу вам, что это невозможно. Все казаки бывалые, не одну войну прошли. Необходимо просто несколько минут продержаться. Но не бойтесь: бить будут не сильно, но больно. Так, начнем! Желающие, принять в состязаниях участие выходи, стройся!

Желающих оказалось много, почти все новобранцы хотели попасть в казаки. – Кто первый, выходи.

Первым вышел очень уверенный в себе хлопец. Лихо вскочил в седло, вышел на исходную. Слева висело копьё, справа – прикрепленная затупленная сабля.

– Первый пошел!

Первый круг смельчак объехал под громкие аплодисменты зрителей. Он-то вставал на седло ногами, то пролазил под брюхом лошади. Я про себя подумал: «Как в цирке». Все преграды перелетел отлично; следующий круг был с копьём, он на ходу достал его и несколько раз прокрутил над головой, затем очень точно сбил горшок. Публика ликовала. В заключение на него двинулись пятеро казаков с саблями. По ним было видно, что они нападают меньше, чем в пол силы, но и этого хватило, чтобы наездник упал с лошади. Второй на глазах у всех зрителей под оглушительный смех упал в воду. Третий не попал в горшок.

Мое внимание привлекла девушка в чадре, судя по фигуре, она была молодой. Какая-то непреодолимая сила потянула меня к ней, я подошел и спросил:

– Девушка, позвольте полюбопытствовать, вам хорошо видно? Девушка опустила голову и молчала, а я продолжал:

– Девушка, вы можете говорить по-русски? Она продолжала молчать. Я будто про себя сказал:

– Не понимает она ни хрена.

Но она вдруг резко повернулась ко мне и на чистом русском ответила:

– Я понимаю по-русски, но не понимаю некоторых солдат, которые пристают к девушкам, вместо того, чтобы пробовать себя на ристалище.

– Хорошо, мадам, следующий заезд я посвящаю вам. Позвольте узнать ваше имя.

– Мое имя слишком известно в этих местах, вот если вы победите, я назову его вам.

– А личико покажете?

– Победите сначала, вон уже девятый в лужу упал. На словах вы все казаки, а в деле, увы, только лужа.

– Я не прощаюсь, но учтите, если я – в лужу, то вы меня никогда не увидите. А если пройду, то вы от меня никуда не спрячетесь.

Я развернулся и пошел к столу, где сидели судьи. Подойдя к есаулу, на ухо прошептал:

– Андрюх, позволь нам сразу вдвоем выступить.

– Зачем вдвоем?

– Мы с детства вместе, наша сила в единстве, мы когда вместе нас никто не может победить. Разрешите нам вдвоем?

– Как это?

– Но пусть там казаков будет десять.

– Ладно, идите, готовьтесь, я все организую.

Я подошел к Богдану, рассказал про девушку, про то, что договорился с есаулом. Богдан спокойно выслушал и сказал:

– Опять ты всё решил без меня, вот и езжай сам.

– Ладно, – спокойно сказал я, – поеду один на десятерых. Прощай, друг.

Я отошел, зная точно, что Богдан пойдет за мной. И я не ошибся – мой друг подошел уже со своим планом.

– Кум, работаем так. Слушай сюда, что я скажу, кому удавалось дойти до казаков, останавливались и ждали, пока они на них нападут. А мы сами на них налетим, с налета неожиданно атакуем их, и еще посмотрим, чья возьмет.

– Ты что, Богдан, они уже лет двадцать воюют. Как мы их победим?

– Ты помнишь, как дядька мой учил? Почти то же самое, только копыя мы в горшки метали. Давай, а?

– Поехали, там посмотрим.

Я смотрел, как ставили дополнительные горшки. Подъехали еще пять казаков. Но не это меня интересовало, я искал в толпе ту девушку, что тронула мое сердце. И увидел ее уже в первом ряду, она скромно махнула мне рукой. Я ответил тем же. Она подошла поближе. А это значит, что я ее чем-то заинтересовал. Только бы победить.

– Господи помоги! – взмолился я.

Мы попробовали управлять ногами, кони легко поддались. Так, значит, руки в бою будут свободные. Оба коня были гнедые, настоящие казацкие кони, как легко ими управлялось. Мы взяли по две тупых сабли и вышли на исходную. Казак с флажком подал команду. – Готовсь, марш!

Мы рванули с места. Кони были прекрасными, понимали каждое малейшее движение ездока, легко перелетали через препятствия. Выйдя на прямую, мы достали копыя и метнули их. Копье Богдана угодило прямо в цель, разбив при этом горшок, а мое слегка затронуло горшок, но все же сбilo его с палки. На полном ходу мы налетели на казаков, наши кони грудью ударили их коней, да так, что две лошади вместе с наездниками упали на землю. Не давая казакам опомниться, мы налетели на них. Работая двумя руками, поразили четверых солдат, остальные, окружив нас, все-таки победили, но их осталось всего пять. В фехтовании они оказались сильнее нас, но минут десять, если не побольше, мы продержались. Полковник дал нам команду подойти. На бегу мы поправляли форму. Степанов встретил нас с улыбкой:

– Ну, казаки, порадовали старика, давно не видел такого боя.

И вдруг серьезно спросил:

– Чей план?

– Мой, – ответил Богдан.

– Дважды молодец, как фамилия?

– Кузьмин.

– Я смотрю, вы работаете двумя руками. Кто научил?

– Дядя.

– Молодцы, нечего сказать. Ступайте форму получать. А что у тебя с плечом? – обратился он уже ко мне.

В горячке боя я не заметил, что у меня всё плечо в крови.

– Да, ерунда, царапина.

– Быстро в лазарет.

Я искал в толпе ту незнакомку, но не увидел и, повинуясь приказу, пошел в лазарет. Там мне сделали перевязку и отпустили в казарму. На выходе меня ждал Богдан. – Ну, что, кум, подлатали тебя немного?

– Да вот, угораздило, но ничего, мы им тоже хорошо поддали.

– Сколько человек взяли в казаки?

– Восемнадцать самых лучших.

Мы обнялись и пошли спать.

Глава 3

Утром разбудил Павлов:

– Ну что, солдаты, сегодня будем учиться стрелять. После завтрака жду всех в ущелье.

Идя туда, мы все думали, что за специальный метод обучения у него. Подойдя ближе, мы увидели небольшое ущелье, вернее, начало ущелья, дальше оно уходило далеко в горы, где

открывался красивый пейзаж. Здесь еще был песок, но дальше в горы уходила дорога из одних камней. Метрах в двадцати у скалы стояли мишени, на позиции нас ждал Павлов.

– Солдаты, слушать меня внимательно, говорю один раз, а проверять буду часто.

Он взял в руки винтовку:

– Ну вот, знакомьтесь, это на ближайшие пятнадцать лет ваш самый лучший друг, и я вам помогу познакомиться с ним поближе.

На телеге лежали сумки, полные патронов. Андрей Ильич приказал взять сумки, положить их рядом с собой.

– Для стрельбы лежачая – марш! Заряжай! Приклад к плечу крепче прижимай, пли!

Раздался выстрел. Павлов просмотрел все мишени.

– Все мимо, – объявил он, – теперь слушай мою команду. Взяли по патрону и бегом к мишени. Ткните в нее пулей, а чтоб вы опять не промазали, возьмите с собой сумку с патронами.

Я поднял сумку. В ней было больше пуда, пулю взял в другую руку, приготовился.

– К мишеням бегом марш.

Мы подбежали к мишеням, ткнули в нее пулей, побежали назад. В сумке были острые от пули края, на плечо ее было больно положить, приходилось тащить в руках, но она очень больно била по ногам.

– Издевается, гад, – прошептал Богдан. Мы подбежали в исходную. Павлов спросил:

– Ну что, попали?

– Скотина, – прошептал Богдан.

– Для стрельбы лежачая – марш!

Мы легли.

– Заряжай, пли!

Я хорошенько прицелился и выстрелил, сразу же заметил, как моя мишень покачнулась, значит – попал. Павлов просмотрел все мишени. На этот раз не попали восемь человек, Богдан в том числе. Не попавшие в мишень опять взяли патрон, сумку и побежали к мишеням и обратно. Третий залп попал только я один. Все побежали, а я так и остался стоять, и отчего-то мне стало так неудобно перед своими товарищами. Я стою, а они бегают. И они как-то искоса посматривали на меня. Следующий выстрел я попал опять, но чтобы не выделяться, я молча поднял сумку с патронами и приготовился к бегу.

– Абрамов, ты попал? – спросил Павлов в ожидании ответа.

– Хочу посмотреть, может показалось.

– К мишеням бегом марш!

Мы побежали. Богдан был вне себя, он проклинал нашего офицера, на чем свет стоял. Так продолжалось, пока мы не упали совсем без сил, но стрелять так и не научились. К вечеру мы еле-еле дошли до казармы. После ужина к нам вошел дежурный и крикнул:

– Кузьмин, к штабс-капитану!

Вернулся он оттуда совсем бешеным, таким я его давно не видел. Богдан встал у дверей в казарму, громко спросил:

– Ну, братья, говори, кто меня Павлову сдал.

Я спросил:

– Что случилось?

– Да вот, какая-то сволочь Павлову настучала, что я его сегодня на стрельбище ругал всякими словами.

– Это что ж, братья, у нас крыса завелась, да? – спросил я. Богдан отодвинул меня своей ручищей:

– Не лезь, когда я говорю. Крыса! Лучше выходи, все одно узнаю, потом порву на куски.

Солдаты загудели, что теперь и говорить нельзя, все будет известно Павлову. Во попали!

Богдан стоял посреди казармы и продолжал:

– Что, крыса, спряталась? Все равно вычислю и порву.

Он повернулся и пошел к своей кровати. «Его от злости вот-вот разорвет», – подумал я.

И чтобы как-то успокоить его, сказал:

– Слышь, друг, говорят, после присяги нас теперь в аул будут выпускать, пойдешь со мной? Мне надо найти ту девушку.

– Николай, меня завтра будут плетьюми сечь.

Я вскочил, как ужаленный и закричал:

– За что?

– Да понимаешь, стоит эта плесень передо мной, орет, что я его на стрельбище поносил, кулаками машет. Ну я ему спокойно так говорю: «Ваше благородие, вы кулаками-то не машите, а то я боюсь – не стерплю.» Ну, Коль, я же ему честно сказал, а он почему-то обиделся, заорал, что завтра на плацу высечет. Я ему также спокойно: «Вашбродь, война, – говорю, – скоро, стрелять там все будут.» Тут вообще что началось, позвал казаков на меня, я так и стоял спокойный такой, а он всё орал и орал. Меня казаки вывели, привели сюда, сказали, что я под арестом и выходить никуда не должен. Я встал, подошел к выходу, там стоял казак. «Вот блин, попал куманек, характер дюже прямой у него» – подумал я. Утром об экзекуции знал весь полк. На двух столбах весели веревки для привязки рук. Нашу роту построили ближе всех, чтобы виднее было. Богдану привязали руки, два палача приготовили плети. Ждали только полковника. Он появился и издали узнал лихого наездника. Подойдя ближе, спросил у Богдана:

– Что ж, ты, казак лихой, офицера обругал, а?

– Виноват, ваше благородие, побоев не смог стерпеть, обругал малость.

– Каких побоев?

У полковника загорелись глаза, он смотрел прямо на Богдана.

– Каких побоев, говори? – повторил полковник.

– Ваше благородие, сил нет терпеть побои, меня никто никогда в лицо не бил.

Павлов стоял рядом, конечно же, все слышал. На нем лица не было. Я видел, что он боится, но Павлов молчал, боялся влезть в разговор. Полковник повернулся к нам:

– Кого еще бил?

Я и еще человек десять подняли руки. У меня на душе стало спокойнее. Молодцы, ребята, заступились за Богдана. Ведь на самом деле он никого не бил, и все солдаты это понимали. Орать – орал, оскорблял, но никогда не бил. Полковник смотрел в глаза Богдану:

– Развязать его!

Полковник был в страшном гневе.

– Штабс-капитан!

– Я!

– За мной в штаб. Всем разойтись.

Я, радостный, подбежал к другу, подал ему рубаху, обнял. Потом строго спросил:

– Кум, ты же говорил, что он тебя не бил.

Богдан хитро улыбнулся:

– Учитель у меня хороший!

– Вот видишь, как бывает иногда полезно соврать, – ответил я.

– Так ведь иногда, а ты врешь всегда. Мы обнялись и пошли догонять своих. В казарме

Богдан сказал:

– Браты, спасибо! Не дали сгинуть.

Все загудели, начали обсуждать Павлова, как ему сейчас там, у полковника. На середину вышел Серега Бродов. Он явно что-то хотел сказать.

– Ну, чего ты? – спросил Кузьмин.

– Богдан, ударь меня, я не обижусь.

– Ты про что?

– Это я сказал Павлову, – тихо ответил он и покраснел.

Богдан резко встал. Я попытался его удержать, но он меня оттолкнул. Те, кто стоял за Бродовым, отошли, чтобы, падая, он не зацепил их. Серега закрыл глаза. Я про себя прошептал: «Все, капец ему». Все приготовились к худшему, но Богдан подошел к Бродову и протянул руку:

– Молодец, что нашел в себе силы признаться

Серега с радостью вцепился в руку.

– Помни, помните все, нет в жизни подлее дела, чем доносить на товарища, нам с вами долго еще жить придется, может, и смерть принимать вместе будем.

Все его слушали и наверно думали, какой он умный, какие речи говорит. Только я понимал, что он говорит дядюшкины слова. Тот, как выпьет лишнего, так давай нас уму-разуму учить.

Богдан говорил, пока его взгляд не совпал с моим.

– Теперь подождем нашего командира, что тот скажет?

Командир не заставил себя долго ждать.

– Сотня, стройся! На обучение стрельбе шагом марш!

Мы вышли с территории полка, в лицо дунул сильный ветер с песком. Я подумал: «Как же стрелять? Ведь песок попадал в нос, глаза, рот.» За высоким забором ветер не казался таким сильным. Павлов на лицо натянул платок, на глаза надел очки. «Вот сволочь!» – подумал я. В самом ущелье ветер казался тише, но песок все же попадал в глаза. Стрелять было еще труднее. Кто не попадал, снова бежали к мишеням с сумкой. Но с каждым выстрелом таких становилось все меньше и меньше. Наверное, при двадцатом выстреле попали все, но это не обрадовало нашего командира, он приказал увеличить расстояние до мишеней. При первом залпе не попал никто, и все побежали с сумками к мишеням. – Да с такого расстояния просто невозможно попасть, – сказал я солдатам, но Павлов услышал меня.

– Солдат, ко мне марш!

Я подошел.

– Дай винтовку.

Он зарядил, прицелился.

– Последняя мишень справа. Он выбрал самую дальнюю мишень и попал в самую середину.

–Абрамов, держите винтовку, тренируйтесь.

И мы опять: то стреляли, то бегали. У кого получалось, у кого нет. Не хочу хвалиться, но у меня получалось лучше всех. Через несколько часов меня подозвал Павлов:

– Оставляю тебя старшим. Пусть стреляют и бегают, ясно?

– Так точно!

– Я пошел в аул, через два часа построишь всех и приведешь ко мне, я буду вон в том доме с железной крышей. Понятно?

– Понятно, вашбродь.

Он дал мне бинокль и ушел. Я подошел к солдатам. С серьезным видом подал команду:

– К стрельбе лежачая – готовься, заряжай, пли!

Посмотрел в бинокль: не попали в мишень ровно половина.

– Кто не попал, взяли по два мешка с патронами и бегом к мишеням!

– Почему по два? Мы с Павловым с одним бегали, – спросил рыжий.

– Я вам не Павлов, я с вас три шкуры буду драть.

Богдан понимал, что я шучу, но не показывал вида. Улыбка его выдавала, и он решил отойти в сторону и отвернуться.

– Я повторяю последний раз: кто не попал, взяли по два мешка и бегом к мишеням.

Все с большой злостью в глазах стали брать по два мешка.

– Браты, вы че? Я же шучу.

Здесь Богдан не выдержал – он смеялся до слез.

– Ну, Никола, тебе в театр надо, мы и вправду подумали, что ты сбрендил.

Один спросил у Богдана:

– Ты нам говори, когда он шутит, а когда нет.

– Да это легко понять: если он просто говорит, то скорее всего – правду, а если очень правдиво – значит, врет. Скорее всего.

– Ладно, командуй, – сказал рыжий.

– Стреляйте, – сказал я, – только цельтесь лучше.

– А бегать?

– Не надо.

Мы расстреляли все патроны, что нам дали, посидели, отдохнули.

– Пошли домой, – сказал я.

– Куда?

– В казарму!

Мы построились и пошли; я шел рядом, как командир, и мне это нравилось. В ауле я увидел, что навстречу шла девушка, и так мне захотелось, чтобы это была та девушка. Я, изображая из себя командира, подавал команды. Девушка подошла ближе, и я понял – это она.

– Здравствуйте! – закричал я.

– Здравствуйте, нам не надо с вами здесь говорить.

– Почему?

– Здесь такие обычаи.

– Скажите, как вас зовут?

– Даша.

– Это русское имя.

– Я русская.

– Где я вас могу найти?

– Не надо. Вам же лучше будет.

Даша ускорила шаг, а я стоял и смотрел, в какой дом она войдет. Девушка вошла в большой дом на краю аула, недалеко от нашего гарнизона.

Мы тронулись в путь. Дом с железной крышей был один в ауле, и мы без труда его нашли. Штабс-капитан, уже изрядно выпивший, сидел за столом. На столе стояла кружка с пивом. Увидев нас, он допил, что было в кружке и, шатаясь, вышел на улицу. Вдохнув свежего воздуха, громко крикнул:

– Абрамов, веди их сам, я остаюсь здесь!

– Слушаю, вашбродь.

Мы пошли. Как же мне хотелось зайти в дом к Даше! Но как? Какой предлог найти? Поравнявшись с ее домом, я дал команду стоять. Перед домом был высокий забор. Я тронул дверь – она открылась. Зашел внутрь. С улицы кричал Богдан: -Куда ты? Нельзя!

Я шел дальше, перед домом был сад, в основном, из невысоких деревьев. Я пробирался между этими деревьями. Богдан уже не кричал, и я догадывался, что он идет где-то рядом. Деревья кончились, и передо мной предстала Даша. Она вешала белье и меня не видела. Такой женской красоты я ещё не видел, мое тело не слушалось. Я просто стоял и любовался ею, пока кто-то сзади не отвлек меня. Я оглянулся – это был Богдан. Не обращая на меня внимания, он смотрел на Дашу, да так нагло!

– Кум, позволю себе напомнить, что ты женатый человек, а женатым так смотреть нельзя. Тем более, это моя девушка.

Даша услышала.

– Быстрее уходите, вы меня погубите, – на ее глазах выступили слезы. Богдан тут же ушел. Я остался с ней один. Даша твердила только одно: чтобы я ушел, и что я ее почему-то погублю.

– Я уйду, если просишь, но сначала ответь мне на два вопроса.

Она посмотрела мне в глаза.

– Ты замужем?

– Нет.

– Когда мы встретимся?

– Это опасно.

– Тебе кто-то угрожает?

– Это для тебя опасно, пожалуйста, уходи.

В ее глазах я видел мольбу,

– Как стемнеет, я тебя буду ждать за последним домом. Придешь?

– Приду, если смогу, – ответила она и густо покраснела.

Я прошел через сад, вышел на дорогу. Меня уже заждались. Подходя к своим, я крикнул:

– Шагом марш!

На душе у меня было светло и радостно. Я еще не думал о том, как смогу выбраться вечером, но уже точно знал – я приду. Зайдя в казарму, я лег на кровать и вспоминал каждую

секунду, проведенную рядом с Дашей. Почувствовав на себе чей-то взгляд, я поднялся. На меня смотрел Богдан и хитро улыбался. Я встал, подошел к нему и спросил:

– А что это ты, куманек, так смотрел на мою девушку? Влюбился?

– Зачем? У меня Аленка есть, скоро сына мне родит, просто красоты такой никогда не видел.

– Я договорился с ней о свидании.

– Когда?

– Сегодня, как стемнеет.

– Опасно!

– Все равно пойду.

– Я пойду с тобой.

Вечером мы с Богданом с помощью веревки и крюка перепрыгнули забор, так как он был очень высокий. В назначенном месте мы просидели до утра, но Даша так и не пришла. Богдан меня еле удержал, мне так хотелось пойти к ней домой. Я для себя решил: если завтра ночью не придет, то пойду к ней сам, и будь что будет. На тот момент мне казалось, что я без нее жить не смогу. Наверное, это и есть то большое чувство, которое все любовью зовут.

Весь следующий день мы опять стреляли и бегали, бегали и стреляли, и, казалось, конца и края этому нет. Как только у нас получалось и мы попадали в цель, Павлов еще дальше отодвигал мишень. Плечо сильно болело от тяжести сумки и кровило от острых краёв патронов. Сил тащить сумку уже не было, а ноги волочить по земле нельзя. И если кто так делал, из-за него одного Павлов возвращал всех.

Наш начальник всегда улыбался, наверное, получал удовольствие, видя на сумках нашу кровь, и всегда добавлял: «Чем больше крови, тем больше умений». Мы все утешали себя: «Скорее бы война. Первая пуля будет его. На войне все спишут, никто не будет расследовать: кто его убил, свой или чужой». Эти слова немного успокаивали, но ненадолго. Я боялся, что Богдан не стерпит. Но сорвался первый Генка Пономарев. На вид спокойный, он отличался от всех, был постарше нас всех и живот у него был большой. С его весом очень трудно приходилось. Подбегая на исходную, он вдруг споткнулся и упал лицом прямо в сумку с патронами. А когда поднялся, мы увидели, что на его правой щеке почти не было кожи. Кровь вместе с песком и пылью стекала на одежду. По мне прошла дрожь. Я никогда не видел столь отчаявшегося человека, казалось, в нем не было на тот момент ничего человеческого, душевная доброта его, доселе прибывавшая в нем, куда-то делась. Он заорал как дикий зверь, схватил винтовку

и выстрелил в Павлова. Кузьмин стоял рядом и вовремя успел поднять ствол винтовки, пуля просвистела над головой Павлова. Я ждал от Павлова испуга смерти, но, на удивление, Павлов был очень спокоен. И также спокойно достал свой револьвер.

– Ну что, солдат, по правилам дуэли, ваш выстрел сделан, теперь выстрел за мной.

Пономарь был еще спокойнее, на тот момент ему действительно было все равно: жить или умереть.

– Стреляй гнида, пей кровь солдатскую.

Я встал между ними, чтобы помешать Павлову выстрелить.

– Отойди, сейчас мой выход, – сказал он раздражённо.

Кузьмин спокойно перезарядил винтовку, загнал в ствол патрон, не направляя на офицера, встал рядом со мной. Все сразу поняли: если что – Богдан выстрелит. Понял это и Павлов. И тут я услышал голос командира:

– Абрамов, веди это стадо в гарнизон. У Пономарева винтовку отобрать, его самого взять под охрану.

– Слушаю, вашбродь, – сказал я и попытался с ним заговорить, чтобы он Генку не шибко наказывал. Но он на меня заорал:

– Веди, я с ним сам разберусь!

Я повел. Мы еще надеялись на то, что он зайдет в дом с железной крышей и там напьется. Но нет – он прошел мимо. В гарнизоне Павлов сразу пошел в штаб. Через несколько минут перед казармой встали казаки. Как и в том случае с Богданом. Ну все, хана Генке, забьют до смерти, сволочи. Ближе к ночи в казарму вошел мой земляк Андрияха, вызвал меня на разговор. Мы отошли подальше.

– Я слышал, что у вас завтра представление намечается?

– Да, если это здесь так называется, нигде нет мужику покоя: ни дома, ни в солдатах. Везде пытаются унижить, живьем в землю и душу, и честь закопать.

– У солдата чести нет, она только у офицеров, это дворянская привилегия. Ладно, слушай, что солдат этот крепкий сдюжить.

– Не знаю, – сказал я, – вроде крепкий.

– Я с тобой поговорить хотел, это разговор секретный, между нами. В трех днях пути отсюда начинаются леса, там атаман воюет за простой народ. У богатых добро отнимает и бедных подкармливает. Встречался я с ним. Широков его фамилия.

– А это кто?

– Потом расскажу, всех восставших здесь перебили давно, а его не могут поймать, потому-то все войско у него из казаков состоит. И когда мы встречаемся с ними, то винтовки им даем, патроны. Они нам деньги, если есть. Но вот что я тебе хочу сказать: ты поговори со своим солдатом, может ему к атаману, а? Но говори аккуратно, это опасно, за такие разговоры могут и в кандалы упрячь.

– Хорошо, Андрей, спасибо тебе.

– Ладно, не кашляй, – хлопнув меня по плечу, сказал он, – и смотри сам, чтобы он тебя не сдал, ежели его поймают. Если решится – пусть бежит через окно, чтобы моих казаков не подставить. Всё, пока.

Зайдя в казарму, я увидел, что все стояли вокруг Генки. Его кто успокаивал, кто пытался обработать раны. Но он говорил: «Не надо, все равно завтра мне хана», и держался молодцом. Мне понравилось, что все ругали Павлова и не боялись, что эти слова могут дойти до него, и тогда на дыбе можно оказаться с Генкой. Я крикнул: -Всем отбой!

Все быстро разошлись.

– Обработать ему раны.

Тот стал отказываться.

– Это приказ, приказы не обсуждать.

– Зачем мне это?

– Чтоб на завтрашней дыбе хорошо смотрелся, будешь знать как в Андрея Ильича стрелять. Все с большим презрением посмотрели на меня, аж мне стало не по себе. Я подождал, пока ему обработали лицо и плечо. На себе я со всех сторон чувствовал сверлящие взгляды товарищей, и мне от этого было не по себе.

Я взглянул на Богдана, но тот на меня смотрел тоже таким же взглядом, и мне стало очень обидно, что и он меня принял за сволочь. Я посмотрел на него таким же взглядом презрения. Богдан отвернулся. Я еще раз громко сказал:

– Отбой всем.

Я подождал, пока все уснут, подошел к Генке и рассказал все, что мне сказал Андрюха. Пономарь как-то оживился и согласился бежать. Я дал ему веревку с крюком, и мы тихо вылезли в окно. Подойдя к забору, мы обнялись.

– Спасибо тебе, ты настоящий друг, может и ты со мной, а?

– Скоро война, кто врага будет бить, если все уйдут?

– Ну, прощай, может свидимся .

Я помог ему взобраться на забор, забрал веревку и ушел. Я жалел лишь о том, что из-за этого не смогу увидеться с Дашей. Вдруг она меня ждет?

Утро началось с созыва всех на плац, солдаты просыпались и смотрели на пустую кровать.

Рыжий спросил у меня очень ехидно:

– Вашбродь, а что, Пономаря уже увели?

– Увели наверно, а что ты у меня спрашиваешь? Я спал, как и ты.

В казарму зашли казаки.

– Где ваш арестант?

Все посмотрели на меня. Я ответил:

– Не знаю, я думал – вы увели.

Они ушли. Через минуту пришли майор Семкин, капитан Павлов, есаул Русаков. Начал майор:

– Где он?

Мы молчали. Есаул прошел в конец казармы, просмотрел все окна и остановился у одного, там виднелись следы свежего взлома.

– Вашбродь, посмотрите: вот сюда он ушел.

– Солдаты, кто найдет беглеца, получит золотой на водку, – сказал майор.

– Капитан, командуйте.

Нас выстроили в цепь и мы пошли прочесывать всю близлежащую местность. Я заметил, что солдаты что-то говорили между собой и не так злобно уже смотрели на меня. Наверно, они понимали, что я помог Генке. Ко мне подошел Богдан и, пряча глаза, сказал:

– Ты прости, что я о тебе плохо вчера подумал, но ты должен был мне все рассказать.

– Чтобы разделить на троих дыбу?

– Да хоть и так!

– Нет, я поступил правильно, и мне легче самому на дыбу, чем с тобой, одному не так больно будет.

– К вечеру все усталые, но довольные, что не нашли Пономарева, пришли в гарнизон. Павлов по очереди со всеми разговаривал, допрашивал, угрожал. Но, видимо, все ему говорили, что я с Пономарем круто разговаривал. Поэтому меня он не допрашивал, а предложил:

– Слушай, Абрамов, скоро вас всех будут распределять: кого – куда, может ты в казаки не пойдешь, а здесь со мной останешься?

– Вашбродь, я казаком хочу стать, да и полковник мне лично казацкую форму приказал дать.

– Ладно, ступай, скажи своим, что ваша учеба закончена. Завтра воскресенье, у вас свободный день, можете идти в город. Ты старший, смотри и объясни каждому, чтоб дошло, армяне еще относятся нормально, но в городе полно турок. Те люто нас ненавидят и много наших солдат сгубили. Здесь рядом, в ауле почти все – армяне, а дальше лучше не ходить.

Он налил в стакан водки и протянул мне. Я залпом выпил.

– Благодарствуйте, вашбродь.

Он налил себе и залпом выпил, хотя уже был изрядно пьян.

– Слушай дальше. Я не хочу сам говорить, солдаты меня не любят, да?

– Ну, если мягко сказать, то да.

– Это сейчас, зато в первом бою спасибо скажут. Мой метод обучения жестокий, но самый верный. Вы на сто шагов в маленькую мишень попадаете. Никто из наших врагов так не умеет, и это многим из вас жизнь спасет.

Я молчал; как-то и злость к нему уже прошла, жалко было Генку. Но кто знает, может у восставших ему будет лучше.

– Ладно, Абрамов, ступай, скажи пусть в город лучше не ходят, в ауле водка еще дешевле. Я собрался выходить, но он меня остановил.

– Мне доложили, что ты вчера сильные речи говорил, и что тебя солдаты почти так же как меня не любят. Но хочу тебе сказать, что Пономарев не смог бы перепрыгнуть забор один, и кажется мне, что это ты ему помог. Он смотрел прямо мне в глаза.

– Почему вы так думаете?

– Хитрый ты очень, поэтому и хочу к себе взять – люблю таких.

Он налил себе еще, выпил.

– Переборщил я с ним, и когда мы его не нашли, я даже рад был.

– Но ты ответь мне, помог или нет?

Он был пьян, еле стоял на ногах, но его глаза сверлили меня насквозь.

– Ну, отвечай мне, помог или нет? Только не ври мне.

– Разрешите идти?

– Иди.

От капитана я вернулся, когда уже все, кроме Богдана, спали. Он стал приставать с вопросами: что да как. Я не мог ему внятно все объяснить, потому как в голове у меня на тот момент была только Даша. Я пообещал, что утром все расскажу и уговорил его со мной не ходить, сказал, что ничего опасного в этом нет. Я взял веревку, крюк, легко перепрыгнул забор и пошел к тому заветному дому, где договаривался о встрече. Подходя к дому, я всматривался в темноту улицы и молил Бога, чтобы она пришла. Ночь была очень светлая; на небе было много звезд, и мне показалась, что они были как на нашем небе, но все равно что-то их отличало. Я пытался понять – что. Вдруг я услышал позади себя треск ветки. Оглянулся: держа ветку в руках, стояла Даша. При свете луны она была еще красивее, я не мог быстро сообразить, мой язык как онемел. Я просто стоял и смотрел. Видимо, не дождавшись меня, она начала первой.

– Тебя как зовут?

– Николай.

– Я тебя ждала вчера.

– Я не смог.

– Ты, пожалуйста, не подумай ничего плохого обо мне, но мне не с кем поговорить, я так скучаю по русской речи.

Я немного стал приходить в себя. – Скажи, а как ты здесь?

– Это длинная история, она давно началась, когда меня еще не было на свете. Она повернулась и тихо пошла вниз к ручью, который течет с гор. Даша была в том же черном платье, оно было до самых пяток. Девушка шла так бесшумно, что казалось, она летит по воздуху. Мы дошли до ручья, где стояла скамья, сели и я слушал ее такой приятный и нежный голос. Она

рассказывала свою историю, и мне казалось, что с ней давно никто не говорил. Я ни о чем не спрашивал, не перебивал, мне даже как-то не верилось, что я сижу с ней рядом. Я боялся ее перебить, потревожить, мне казалось, что она сразу уйдет. Вдруг Даша спросила:

– Коля, ты меня слушаешь?

– Я тебя очень внимательно слушаю, только не все понимаю.

– Что ты не понял?

– Ты сказала, что твой отец декабрист. Извини, но я не понял.

Даша на меня посмотрела таким взглядом, что мне стало неловко за свой вопрос. И зачем я только спросил. Но она так ласково продолжала:

– Николай, извини, ты ведь из деревни?

– Да, – ответил я и почему-то опустил глаза. Мне первый раз стало стыдно, что я из деревни. До сей поры я чувствовал себя большим грамотеем среди тех, кто вовсе не умеет читать. Дядя Наум нас с Богданом научил писать, читать, разговаривать не так, как деревенские, а по культуре, но с образованным человеком я так и был деревенщиной. Она заметила, что мне стало неловко.

– Ты стесняешься, что из деревни?

– Нет, мне стыдно, что не все слова для меня понятны, я прочитал все книги, что были у нас в деревне. Меня всегда тянуло к знаниям. Но деревня есть деревня, – сказал я и опустил глаза.

– Коля, не стесняйся, что ты из деревни, я вот графиня, и что из этого? Я нахожусь вместе с тобой.

При этих словах позади нас треснула ветка, и чья-то тень побежала в сторону гарнизона. Даша сильно испугалась, она хотела уходить, но я ей объяснил, что это мой друг. Он волнуется за меня и поэтому охраняет. – Хорошо, когда есть хороший, надежный друг, который всегда поможет в трудную минуту. А я одна на весь белый свет, вокруг меня одно зло.

На ее глазах появились слезы.

– Дашенька, ты только пожелай, и у тебя будет друг, который жизни не пожалеет за тебя.

Я прижал ее к себе и обнял. Она смотрела на меня доверчивыми глазами. И я увидел близко ее лицо; она еще совсем была молода.

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

«Она совсем еще ребенок», – подумал я про себя.

– Даша, расскажи мне пожалуйста, декабристы – кто это?

– Тебе в деревне хорошо жилось? Барин мучил тебя, твоих родных?

– Да уж пришлось хлебнуть горюшка!

– Но не думай, есть на Руси люди, которым не безразлична судьба простых людей. В Петрограде в 1825 году вспыхнуло восстание из разных слоев сословий, там были и князья, и генералы. Все они хотели отмену крепостного права, что так угнетало простых людей. Но их не поддержал сам народ, и предали; восстание было потоплено в крови. Мой отец смог убежать, спрятаться здесь, у своего друга – турка. Через год, оставив светскую жизнь, к нему приехала мама, ей очень трудно было привыкнуть к новой жизни, но она очень любила папу и переносила все трудности. Со здоровьем у нее было худо. Врачи ей запретили рожать, но ей так хотелось меня, что она решилась. Папа привез из Ростова доктора на мамины роды, но и он не помог: мама при родах умерла. Меня воспитывал папа. Поначалу все было хорошо, он отдал меня в гимназию, в Ростов. Часто ко мне приезжал погостить, но по окончании гимназии я приехала сюда. От старых ран папа сильно болел и этой весной умер. Я осталась одна. Хозяин Мустафа паша хочет меня взять восьмой женой, но я сказала: «Если так, то я убью себя.»

За разговором я не заметил, как стало светать.

– Мне пора, Даша!

Она будто проснулась:

– Ой, мне тоже.

Мы быстро расстались, но договорились, что как стемнеет – встретимся. Я перелез забор, незаметно прошел в казарму. Богдан спал. Его сапоги были в песке, а мы вечером обувь вместе чистили. Друг охранял меня, пока я ходил на свидание.

Спать оставалось один час.

Глава 4

– Подъем! – крикнул дежурный.

Я взглянул на Богдана, тот уже заправлял кровать.

– Ну что, рассказывай, Дашу встретил?

– А то ты не знаешь!?

– Нет!

– Ты что, не ходил за мной?

– Сам же сказал: не надо.

Я задумался. Если был он, то я его легко расколю, а вот если не он, то кто?

– Ну, свидание было у вас?

– Было.

В казарме остались только мы, все ушли на завтрак.

– Представляешь, у нее отец декабрист!

– А это кто?

Я посмотрел на него, как учитель смотрит на плохого ученика:

– Ой, деревенщина! Как это можно не знать?

– Ну, вам то милейший граф, должно быть все известно.

– Так все-таки это ты ветками трещал?

– Нет, не я.

Он встал с кровати и вышел. Я смотрел ему вслед и думал: «Он же из-за меня тоже всю ночь не спал».

Я шел за другом, и на душе у меня было радостно. Может, судьба специально меня сюда забросила, чтобы я здесь, вдали от родины, нашел свою любовь и спас ее от ненавистного турка. Так, размышляя, я подошел к кухне. Богдан сидел в стороне и ел кашу. Рядом стояла полная тарелка. Богдан, протягивая мне кашу, сказал:

– Прошу прощения, граф, но здесь кроме каши ничего нет, вашему сиятельству, наверное не понравится такая еда?

– Да нет, отчего же, по утрам я могу себе позволить кашу.

Богдан молчал, ждал, когда я сам заговорю про Дашу. Мне тоже очень хотелось рассказать другу про мое свидание, и я спросил:

– Ты не все слышал, да?

– Я до графини слышал.

– Ее замуж хотят выдать насильно, восьмой женой.

– Какой?

– Восьмой.

– Ну, живут же здесь эти султаны. Николай, ее надо вытаскивать из этого гарема, пока не поздно.

– Ночью опять пойду. Только не ходи за мной. Мне неудобно, что ты не спишь из-за меня.

– Ты думаешь, что я забыл из-за кого ты здесь, – сказал он обиженно, – если бы ты со мной не пошел к барину, то сидел бы сейчас дома.

– Да... и не встретил бы Дашу.

– О, кум, да ты влюбился?

– Да, Богдан, мне тоже так кажется.

– Стройся! – крикнул дежурный.

Мы встали в строй; первый к нам подошел майор Семкин.

– Равняйся, смиренно! Тех, кого отобрали в канониры, выйти из строя!

Вышло человек двадцать, майор подал команду:

– Направо шагом марш!

Артиллерия ушла. Пехоту забрал капитан Мишин – двадцать три человека. На плацу осталось стоять восемнадцать тех, кого отобрали в казаки.

– Ну, что стоим? Не маленькие, дорогу к казакам сами найдем, пошли, – сказал Богдан.

Мы построились, пошли к казакам. Увидев их издали, я сразу почувствовал неладное. Видно было, что они нас ждали, но почему не пришли за нами на плац, как все офицеры. Я видел, как есаул нас заметил и зашел в палатку. Это меня еще сильнее насторожило. Казаки жили в четырех палатках. По неубранной территории было видно, что дисциплина у них хромает: вокруг палаток валялись какие-то коробки, мусор, прямо на мусоре стояли казаки, все в полном составе, и приготовились к представлению. Глядя на их одежду, казалось, что они похожи на бандитов: красивая форма висела на них, как на корове, сапоги, похоже никогда не чистили, кинжал, который должен висеть на поясе у каждого казака, висел не у всех – у некоторых были только ножны. Впереди всех стоял вахмистр Дениска Шунько, такого же неприглядного вида. В его глазах улавливалось какое-то презрение. Я узнал его: это был тот казак, которого сбил на землю своим конем Богдан. Вахмистр не сводил глаз с Богдана:

– Почему задержались? Сколько вас можно ждать?

– Мы ждали офицера! – ответил Богдан.

– Вас надо за ручку приводить, да?

Он стоял вплотную к нему и, размахивая кулаками перед лицом, орал, оскорбляя Богдана. Казаки все смеялись. Им это нравилось. Их смех еще больше подзадоривал вахмистра. У Богдана от злости выступил пот на лбу, и кум мой не выдержал:

– Руками не маши!

– Что? – продолжал орать вахмистр, краснея от злости, – что ты сказал?

Я подошел ближе и сказал:

– Он сказал: руками не маши, а то получишь, как давиче на экзаменах.

Драку остановил крик есаула:

– Стоять! Вы что, салаги, страх потеряли?

– А у меня его нет! – ответил Богдан.

– Кого нет?

– Страх!

– Всем разойдись, проверка закончена, – он злобно посмотрел на нас, – за мной пошли.

Мы зашли за есаулом в палатку. Я начал первым:

– Андрюх, но он первый начал, нам что молчать, когда он кулаками машет?

– Он – вахмистр, в званиях научился разбираться. Я скоро уеду домой, а он вместо меня есаулом будет; он если захочет, вас до ручки доведет.

– Меня нельзя довести, – Богдан посмотрел на меня и добавил:

– Нас нельзя до ручки довести.

– Герои, мать вашу, казаки не таких обламывали.

Мы промолчали.

– Ладно, пошли коней вам дам.

Мы вышли из палатки. Наши товарищи делали разную работу: кто собирал мусор, кто просто приседал, Серега Муравьев скакал на палке верхом под громкий смех казаков.

– Зачем они их ломают?

– Обычай такой: их ломали, теперь они ломают.

– А тебя как?

– И меня хотели, я им в зубы дал – они успокоились. Ну и вы все правильно сделали, только других не обучайте. Казаки должны видеть, с кем в бой идти. Вот этот на палке, сразу видно, вояка плохой будет, но вы на них не обижайтесь. Обычай такой здесь: все станичные, они даже из своих станиц так проверяют.

Мы зашли в конюшню, там стояло много лошадей, в основном, гнедой масти.

– Выбирайте себе!

Я шел по проходу, смотрел на коней. В отдельной загородке стоял конь в яблоках, я сразу узнал орловского рысака. Граф Орлов разводил их где-то под Воронежем. У нашего барина был конь такой масти.

– Чей этот?

– Полковника. Молодец! Узнал земляка, один он у нас такой красавец. Кварц зовут, ну, ладно, пошли, ваши кони стоят в конце конюшни.

Оказывается, нам коней уже отобрали. В самом конце стояли восемнадцать коней. Но какого выбрать? Я подошел к загородке и, обращаясь к коням, сказал:

– Ну что, красавчики, кто хочет со мной служить?

Они насторожились, присматриваясь и принюхиваясь ко мне. От всей компании отделился гнедой конь и смело подошел ко мне. Я посмотрел его зубы, для себя сказал: «Лет семи, не больше, повоюем еще».

– Доброго коня ты выбрал, Никулина Дениса Степаныча конь, погиб его хозяин в неравном бою.

– Это не я, это он меня выбрал. Можно мне проехаться?

– Да попробуй.

Богдан поступил по моему примеру: его тоже выбрала лошадь. Мы ездили взад – вперед по гарнизону, стараясь управлять ногами. Кони были приучены к джигитовке и очень легко слушались наездника. Несколько раз мы проехали рядом с казармой, хвастаясь перед пехотой. Вдоволь накатавшись, мы почистили своих коней, поставили их в конюшню и пошли к казакам. Муравьев и еще несколько ребят прыгали на палках, изображая военные действия, казаки ими командовали, кричали: «Окружай!», – держась за животы от смеха.

Мы хотели обойти всех и зайти в палатку незамеченными. Но у нас это не получилось. Кто-то крикнул:

– Эй, не прячьтесь, идите к нам.

Мне показалось, что крикнул вахмистр. Но подойдя ближе, понял, что кричит Серега Морозов – казак лет двадцати пяти, не больше, худощавого телосложения, в помятой форме. На поясе висели только ножны. Рядом стоял вахмистр и молча смотрел, как бы ждал – что будет. Тот казак бросил две палки: скачите, тоже помогайте своим.

– Зачем? – спросил Богдан.

– Учить будем вас военному делу.

Богдан взял палку, сломал ее пополам, бросил казаку, потом сломал пополам вторую, взял в обе руки, как сабли и, обращаясь к казаку, сказал:

– Может, ты лично меня научишь чему?

Казак быстро встал, схватил палки, но через секунду Богдан дал ему палкой в ухо. Казак схватился за окровавленное ухо и ушел в толпу. На его место тут же выскочил другой казак, взял палки и на Богдана. Мой кум уже на пятой секунде засветил и этому в ухо. Схватившись за больное место, убежал и второй. Кузьмин молча стоял и ждал, никого не зовя. Криков и смеха заметно поубавилось. Вахмистр, обращаясь к казакам, спросил где «Двурукий». На середину вышел здоровый казак, лет сорока – Остап Данько. Форма на нем сидела хорошо. Он снял пояс с кинжалом, чтобы не мешал.

– Ну, новичок, «мать твою душу», начнем. Если меня поранишь, то я тебя водкой угощу, – сказал без всякой злобы, с улыбкой, вышедший на середину, здоровяк.

Богдан в обоих случаях напал первый, а здесь Двурукий явно нравился ему, да и был он намного старше, Богдан не знал, как себя вести. Это заметил и его соперник:

– Давай в полную силу!

И напал на него первым. Удары по Богдану сыпались со всех сторон, он также владел двумя руками. Мой друг, казалось, был в безнадежном положении. Он еле-еле успевал отбивать удары. Один удар пришелся по рубахе, она сразу разорвалась. Богдан стал быстро отступать. Я понял: он хочет его измотать, держа на расстоянии своего соперника и изматывая его. Богдан вскоре этого добился. Двурукий стал уставать и ошибаться. Вскоре у него сбилось дыхание. И, казалось, когда победа была близка, Богдан пропустил удар в грудь. Я понял, что сделал это он нарочно, дабы не опозорить ветерана. Понял это и двурукий: он подошел к Богдану, протянул ему руку:

– «Мать твою душу», хорошо бьешься!

А на ухо прошептал:

– Водка с меня.

Повернувшись к казакам, сказал: – Эти двое под моей защитой, не трогать никому. Да я думаю, что вряд ли кто осмелится. Он нас обнял и повел в палатку.

– Будете спать рядом со мной.

Палатка вся была пропитана папиросным дымом. В ней не было кроватей как в казарме, по двум сторонам были настилы, на которых лежала солома. Это и была постель казаков. Мне очень не понравилось, но что делать? Спать мне все равно не придется.

Молодых с этого дня уже не мучили. Их заставляли только делать грязную работу: собирать мусор, чистить конюшню. Нас с Богданом это не касалось. Мы ездили на конях, махали саблями. Так и проходило время.

Вечером я тихо перелез забор, пришел на наше с Дашей место. Чуть подальше по ручью было очень красивое место. Здесь росло небольшое, но очень красивое дерево, немного похожее на нашу иву.

От дерева к ручью разлёгся огромный камень, похожий на лодку. Вода бесшумно огибала его, пузырьки уплывали дальше вниз, по течению. Я притащил небольшое бревно, подложил под него камни, и получилась хорошая скамья. Очистив место от сухих веток, я отошел немного подальше и со стороны посмотрел на свою работу.

– Очень красиво, – слышался голос Даши, – я за тобой уже минут десять наблюдаю. У тебя так хорошо получилось. Ты можешь видеть красоту, а это не всем дано. Скажи, Коля, ты можешь любить красоту так, как ее любят поэты?

Я посмотрел на нее взглядом ученика. Она продолжала:

– Когда мне было три года, к нам в гости часто заходил Михаил Юрьевич Лермонтов, ты слышал о нем?

– Нет.

– Я была маленькая, но хорошо помню его. Он был небольшого роста, плотного сложения, имел большую голову, крупные черты лица, широкий и большой лоб, глубокие, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившие в смущение того, на кого он смотрел долго. В тот вечер, когда я видела его последний раз в нашем доме, он не снимал ни сабли, ни перчаток. На нем был мундир лейб-гвардии Гусарского полка. В наружности Михаила Юрьевича было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Михаил Юрьевич был прекрасным человеком. С ним было всегда интересно. Он видел природу глазами художника, он слушал ее, как музыкант. В его поэтическом мире все звучит и поет, все сверкает и переливается красками. Горы, скалы, утёсы, потоки, реки, дере-

вья – вся природа живет в его произведениях. У него даже камни говорят, а горы думают, хмурятся, спорят между собой, как люди, утёсы плачут, деревья ропщут на бога и видят сны. Я помню, как вечерами у нас собирались друзья. А как зачарованно мы слушали его стихи!

– Даша, я никогда не слушал стихи, ты можешь прочитать мне что-нибудь?

– Да, конечно, с удовольствием. Скажи, что бы ты хотел услышать?

– Конечно, Лермонтова. Ты так интересно о нем говоришь.

– Я прочту, но стихи надо уметь слушать. Поэзия Лермонтова – исповедь человеческой души. Его стихи обращены непосредственно к человеческому сердцу. Они отличаются исключительной полнотой и так же насыщены внутренним чувством – идеями, эмоциями, желаниями, жизнью, – как переполнена и душа поэта. Ты представь человека, у которого есть все: богатство, власть, но ему не безразлична судьба простых людей. Он бросает все и идет бороться с несправедливостью и злом. Лермонтов мне сказал, что это стих про судьбу таких людей, как мой отец.

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит:
Увы! Он счастья не ищет
И не от участи бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Под ним луч солнца золотой...
А он, мятежный просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

– Коля, почему ты плачешь?

– Дашенька, мне всегда казалось, что все богатые все, как наш барин, и то, что есть твой отец и его друзья, которые бросили все и пошли мне на помощь, глубоко затронули мое сердце.

Я прошел под дерево и сел на самодельную скамью. Даша сорвала с дерева большой листок, проткнула его сухой палочкой и пустила в ручей, как кораблик. Быстрое течение подхватило его. Кораблик немного покружился у камня, как бы показывая свое превосходство над волнами, и поплыл дальше, не боясь ни ветра, ни быстрого течения. Мы смотрели за ним, пока тот не исчез в темноте.

– Хочешь, я еще прочту? – спросила Даша.

– Не знаю, мне бы этот переварить. Еще один такой стих и мое сердце не выдержит.

Я подошел, присел на край камня. Вода, набегая на камень, намочила мои сапоги. Я пытался представить себя корабликом, который оторвался от своих берегов, и волны его несут вдаль от тех, с кем жил, кого любил. И никто не знает, что ждет его впереди. А самое главное то, что он не ждет ничего хорошего, а наоборот, просит бури. Я поймал себя на том, что вновь и вновь повторяю про себя этот стих.

– Как он называется?

– Не знаю, Михаил Юрьевич записал его мне на листочке без названия, этот листочек лежит у меня в шкатулке. Я берегу его, как память о великом человеке.

Мы молчали. Каждый думал о чём-то своём. И так мне было хорошо среди этих деревьев, в таинственной тишине леса. Я даже забылся на мгновение. Очнулся, когда услышал голос Даши. Она вновь читала Лермонтова.

Со стороны гарнизона доносились чуть слышные звуки и не давали мне покоя, шум становился все громче и громче.

– Дашенька, прости мне надо идти. Может, там что-то случилось? До завтра.

Я побежал. Еще издали увидел открытые ворота гарнизона, из них кто-то выбежал навстречу мне. Я узнал Богдана. Подбегая ко мне, он быстро говорил, что меня ищет есаул.

– Зачем я понадобился ему?

– Не знаю, но он требовал привести тебя к нему, будто знал, что тебя нет.

Мы незаметно прошмыгнули в ворота, все солдаты уже были одеты и стояли с винтовками. Все бегали в темноте, не понятно: куда и зачем. Около штаба стоял майор Семкин и держал в руках часы. Богдан сказал:

– Смотри, видишь, по часам засекает. Тренировка это.

Казачи уже выводили из конюшен коней. Есаул увидел нас и заорал: – А ну, подь сюды!

Я подошел.

– Где был? – заорал он. Все обратили внимание, мне это очень не понравилось. Я перешел на шепот.

– Андрей, что ты орешь? Нормально спросить не можешь?

– Я с тобой потом поговорю, где ты всю ночь шлялся, а сейчас бери винтовку, коня, стройся у ворот, я – в штаб.

Полковник Степанов сидел за столом, рассматривал карту. Майор Семкин нервно ходил из угла в угол, поджидая, пока все офицеры соберутся. Последним зашел Русаков.

– Господа, перемирие на вас плохо влияет, я – командир гарнизона, уже двадцать минут жду есаула, пока он соблаговолит подойти.

– Виноват, ваше благородие.

– Не перебивай меня, в бою минуты не прощу... Теперь слушай приказ, который пришел только что от командующего Бяратинского. Трех казачьим сотням надлежит во главе с майором тотчас отправиться по дороге на север, по направлению к городу Ростов. Там было совершено нападение на карету с царской казной. Я думаю, вы понимаете, что это проделки Широкова. И в связи с этим, у Сергея Александровича есть соображения, которые представляют собой некий план наших действий. Кроме наших казаков в поиске бандитов принимают участие еще пять тысяч человек.

Полковник сел, уступая свое место майору. Семкин вышел к карте, осмотрел суровым взглядом всех присутствующих и спросил:

– Господа, я хотел бы задать вопрос вам, почему мы шестой год не можем поймать атамана? Майор перевёл взгляд на Павлова:

– Изворотлив, хитер, много лет прослужил....

– Нет! – перебил его Семкин и посмотрел на Русакова.

– Я понимаю, к чему вы клоните, господин майор, но я промолчу.

– Знаешь, есаул, я бы с тобой на любого врага пошел, только не на Широкого.

– Почему же такое недоверие, ваш бродь?

– Мне, есаул, кажется, что ты бандитов будешь не ловить, а помогать им. А посему вашей сотней в походе будет командовать ваш вахмистр, а вы остаетесь здесь.

Есаул сурово посмотрел на майора, но спорить не стал, да и бесполезно это. Степанов встал:

– Майор, вы обвиняете есаула в измене?

– Аркадий Степаныч, у меня нет доказательств, но у меня есть предчувствие, что есаул сочувствует бандитам.

– Ступайте, есаул.

Есаул вышел.

– Продолжайте, майор.

Семкин немного подумал и продолжил:

– Господа, насчет поимки бандитов у меня есть план действий. Как мы знаем, бандиты ограбили царскую казну. Исходя из этого, у меня вот какое предложение. Прошу взглянуть на карту. Приказ выступить к нам пришел по дороге. А мы знаем, что Широков делает с награбленным: он ездит по станицам и раздает все награбленное бедным и нуждающимся. Как вы все помните, неделю назад в станице Соломенской, что в одном дне пути в сторону Ростова при пожаре сгорело двенадцать дворов.

Семкин все четко, по-военному, рассказывал и показывал на карте. По нему было видно, что он – опытный офицер и не первый год на войне.

– Вот мне и кажется, что разбойники придут именно в эту станицу, чтобы отдать награбленное добро погорельцам.

Семкин прикурил сигару, выпустил дым к потолку и подошел к карте:

– Я предлагаю не прочесывать лес, как это было ранее, что как всегда не дает никаких результатов, а сесть в засаду в станице и, дождавшись его, можно взять в плен живым.

– Вот именно: дождавшись, а не дождавшись, а если он пойдет в другое место, как прикажете мне докладывать, почему я вместо того, чтобы прочесывать местность, как мне приказано, буду сидеть и ждать его в какой-то станице. Вы, Сергей Александрович, предлагаете мне приказ нарушить.

Майор опустил голову, немного помолчал и продолжил:

– Я предлагаю разбойников поймать, и то, что я предлагаю, продумал до мелочей. Но давайте сделаем так: две сотни казаков отправятся лес прочесывать, а я с сотней Русакова отправлюсь разбойников ловить. Как вам такой план?

Аркадий Степанович встал, походил по комнате, по нему было видно, что он сильно сомневался и не решался нарушить приказ. Наконец сказал:

– Сделаем так, господа. Казачья сотня, усиленная канонирами и пехотой, отправятся лес прочесывать. Вы, майор, возьмете сотню поручика Чистякова и сотню Русакова под мою ответственность.

– Спасибо, Аркадий Степаныч.

– Учтите, Сергей Александрович, говорят, что у Широкова полусотня и все они лихие казаки. Расскажите подробнее ваш план.

Майор опять подошел к карте.

– Смотрите, господа, я начну все сначала. Приказ пришел несколько минут назад. От Ростова до станицы Соломенской два дня пути, от нас до станицы – один день пути. И если мы поспешим, то поспеем раньше, чем бандиты.

– Хорошо, господа, не теряйте времени! Отправляйтесь.

Я сидел верхом на коне и ждал приказа на выступление. Из штаба вышел Русаков. Сразу было видно: он сильно нервничал. Я вспомнил, как он на меня накричал, про себя подумал: «Наверное, есаулу влетело в штабе, так ему и надо, не будет орать на земляков». Он подошел ко мне:

– Пойдем, отойдем, разговор есть.

Мы отошли так, чтобы никто нас не слышал.

– Николай, скажи, тебе можно доверить очень серьезное и опасное дело, не проболтаешься?

– Если только с Богданом поделюсь.

– С ним можно. Он казак добрый, ну ладно, слушай. У нас мало времени, сейчас вы отправляетесь ловить Широкова, меня не берут, за вами следует обоз. В одной телеге, на которой будет ехать Кузьмич, под соломой лежат винтовки и патроны к ним, надо их атаману передать. Плохо у них с этим. Ну что, согласен?

– Согласен, – не раздумывая, сказал я.

– Самое главное – в этом деле нельзя ни на кого положиться, потому, как у нас в сотне доносчик есть.

– Кто?

– Если бы я знал. Не могу вычислить уж сколь годов. И что бы ни случилось у нас, сразу становится известно Семкину. И ты никому не доверяй; если будет сложно, то не рискуй, вези оружие обратно, понял?

– Понял! Как же жить нам, когда рядом доносчик?

– Да вот, привыкай, и прежде чем слово сказать, подумай сначала. Если по доносу придет ревизор, в лучшем случае заперют до полусмерти.

– А в худшем?

Андрей достал папиросу, закурил и грустно сказал:

– Кандалы. Мы с Сергеем Широковым вместе служить пришли, вместе врагов пять лет били. Семкин был тогда еще поручиком, сильно он любил по морде солдат бить. Вот и Сергею он дал, а тот ему в ответ, да так, что челюсть вылетела. Он в лазарете полгода провалялся. С того дня он люто атамана ненавидит. Ну а Серёгу в кандалы упрятали, на каторгу. Он по дороге убежал, теперь вот по горам да по лесам прячется. Я тебе это вот почему говорю: мне скоро дамой, кто будет ему помогать? Кроме тебя, некому. Показался ты мне приличным, да и земляк, приедешь домой в отпуск – зайдешь ко мне, расскажешь.

– Отпуск?

– Я пять раз был. Ладно, светает, надо расходиться. Ты все понял?

– Все.

Я подошел к Богдану, сел на коня и приготовился к маршу. Из штаба вышел Семкин и крикнул:

– Сотники, командуйте к маршу. Сотня, по коням стройся справа марш.

Мы выехали из ворот и двинулись чрез аул к городу. Проезжая мимо знакомого мне дома, я всматривался в темноту в надежде еще раз увидеть Дашу, но ее не было. Я подумал: «Как бы турок ее не обидел».

Из-за гор поднималось солнце и, как всегда бывает в такой ранний час, над ручьем стоял густой туман. Клубясь и извиваясь, он тоже тянулся вдаль, туда, где ручей становился все уже и уже. Но вдруг с гор налетел ветер, и туман, нехотя, попятился назад. Уже разорванный ветром в клочья, он пополз вниз. Новый порыв ветра рассеял последние остатки тумана, солнце поднималось все выше и выше. И вот на ярком синем небе возникли контуры гор.

Впереди ехал Семкин, задавая темп всем казакам. Если, как сказали, ехать до вечера, то лошадей загоним. Жалко мне было своего коня, но майор только прибавлял; сотни растянулись так, что нам, ехавшим впереди, совсем не было видно, где конец. Обоз давно уже отстал, но его никто не ждал. Мой конь шел прямо за конем майора. Я подумал: «У него конь хороших кровей, сдюжит, но майор же должен понимать, что не у всех такие кони. Загонят казаки своих коней».

К трем часам дня мы уперлись в широкую реку. Я слышал, как Семкин подозвал Чистякова. Поручик подъехал, на его коня было жалко смотреть.

– Сергей Александрович, мы ведь загоним коней. Зачем такая прыть, сотни растянулись на многие километры, казаки еле в седлах сидят. Кто будет банду ловить, если мы не доедем?

– Поручик, не плачь, сейчас передохнем. Я вот думаю, как нам реку форсировать: моста, как видишь, нет, и течение очень быстрое. Вброд не перейдешь – по карте здесь глубоко.

– Вода мутная, деревья затоплены. Видимо, в горах дождь, и река вышла из берегов, – сказал поручик.

– Ладно, двадцать минут перекурить.

– А потом?

– На мост поедем, он здесь недалеко – в часе езды.

Я взял пучок соломы и вытер коня. Он смотрел мне прямо в лицо. Какие умные у него глаза! Складывалось впечатление, будто конь смотрит тебе в душу и понимает, что хозяин не по своей воле чуть не загнал его. Коня звали Свист. Он отзывался и на имя, и на свист. Стоило мне свистнуть, и он тут же подходил. Казачьи сотни потихоньку подтягивались, взмыленные кони дико ржали, казалось, – еще немного, и все: не спасли бы их. Я подвел Свиста к реке напиться. На противоположном берегу реки природа казалась совершенно другой: совсем не было скал, начиналась степь. Река бала неширокая, но бурная, с очень быстрым течением. Ее берега были густо покрыты тростником. А дома тростник такой же. Я решил понюхать его, и в это время сзади подошел Богдан.

– Что, домом пахнет?

– Пахнет. Помнишь, на Зуше сколько его росло?

Про себя я подумал: «Стоит ли Богдана втягивать в это рискованное дело? У него жена беременная, скоро родит». И решил не говорить ему об оружии и о своем секретном задании.

– По коням!

Мы вскочили на коней, и опять эта бешеная скачка продолжалась до вечера, пока не показался хутор. По сгоревшим домам я понял, что это Соломенское. С одной стороны была степь, с другой – небольшой лесок и овраги. Со стороны оврагов подойти было намного удобнее, нас поставили в засаду именно туда. Майор расставил всех так, чтобы разбойники попали в кольцо. Мы с Богданом оказались в самом начале оцепления. В нашу задачу входило пропустить и закрыть им выход, в случае сопротивления – уничтожить всех. Мы закопались так, что нас не было видно, и затаились. Курить не разрешали – темно. Я Богдану говорю:

– Кум, отойду, мне надо. Если что – скажи чего-нибудь, придумай.

– А куда ты?

– Пойду по нужде, к утру вернусь.

Богдан с укоризной посмотрел на меня, но расспрашивать больше не стал.

– Не хочешь – не говори!

Я потихоньку отполз на безопасное расстояние. Только хотел встать – услышал впереди голос и подполз поближе. По голосу я сразу узнал Семкина, потом уже увидел полоски на погонах – вахмистр. Значит, майор доверяет только ему. Уж не он ли доносчик?

Майор с ним распрощался и ушел. Я потихоньку, бесшумно, обошел его и затаился подальше, размышляя: «Этот вахмистр, он не разбойников караулит, а тех, кто захочет предупредить их о засаде». Вдруг вдалеке я услышал еле слышный разговор и стук копыт. Луна светила почти как солнце, в ста шагах было видно – хоть читай. Я решил подойти поближе. Прячась за деревьями, я пробирался навстречу голосам. Шагов через сто я увидел трех всадников. Они не спеша ехали и шепотом разговаривали. Одежда на них была казачья, на близком расстоянии я разглядел, что она изрядно потрепана. Когда эта тройка поравнялась со мной, я вышел на дорогу. Они сразу же схватились за винтовки.

– Тихо! – прошептал я, – мне с вашим атаманом говорить надо.

– Зачем? – тоже тихо спросил один из них.

– Затем, что засада вас ждет в станице!

Один быстро развернулся и поскакал назад, второй слез с коня и спрятался вместе с конем в кустах, третий развернул коня, приглашая меня на круп лошади.

– Прыгай, посмотрим кто ты таков.

Одним махом я запрыгнул на коня. Но тот, что вез меня, не спешил. Хорошая у них дисциплина! Эти трое уже заранее знали, что им предстоит делать. Первый поехал предупредить, второй остался следить, чтобы никто не следил за нами, третий везет меня. Везёт тихо, не стуча копытами, давая время атаману разобраться в сложившейся обстановке. Выехав на большую поляну, я сразу увидел человек двадцать также плохо одетых людей. Некоторые были одеты и

в крестьянскую одежду. Посередине стоял здоровенный казак, за поясом которого виднелись два револьвера и, висящая на левом боку, сабля.

– А – ну, подь сюды!

Я соскочил с коня, подошел.

– Кто таков?

Я только рот открыл, как кто-то крикнул:

– Колюха!

Ко мне шел Генка Пономарев. Мы обнялись.

– Батька, это друг мой, что помог мне бежать.

– Ладно, тихо! Что орать-то? Понял я, пойдем, отойдем.

Атаман отвел меня на приличное расстояние, так, чтобы никто не мог подслушать. Он осмотрел меня с ног до головы. Его взгляд пронизывал меня насквозь. От атамана сильно пахло костром, он был настолько им пропитан, что стоять с ним рядом было невыносимо.

– Ты только пришел служить, значит, сам еще не мог сообразить. Кто научил людей ко мне послать, предупредить о засаде?

– Русаков Андрей «привет» тебе передает!

– А почему он тебя для этой цели выбрал?

– Земляк он мой.

– А ты откель?

– Я из Мценска, – мне не понравилось, что меня допрашивают, но, наверное, так у них заведено.

– Ну, а что ж ты первому встречному рассказываешь про Русакова? Может я не тот, за кого себя выдаю?

Я посмотрел удивленно на атамана:

– Генка Пономарь с тобой. Это мне и подсказало, что вы как раз те разбойники, которые мне нужны. И костром от тебя воняет так, как от любого другого вонять не может.

Атаман, ничуть не смущаясь, продолжал допрос:

– Ну, расскажи, наверное, Семкин эту засаду придумал.

– Да, он. Андрей велел винтовки, патроны передать. А я не знаю – как. У нас доносчик есть, а кто – неизвестно.

– Никак Русачок его не вычислит, – сказал, задумавшись, атаман.

Я рассказал ему о вахмистре, что тот сидит в засаде.

– Может он?

– Ладно, подумаем над этим. Теперь об оружии. Мы сейчас уйдем, а вы тут еще побудете, думаю, суток двое. Попробуй спрятать винтовки в первый сгоревший дом, закопай их поглубже. И еще: вот тебе шестьдесят золотых, отдай Игнату, в чей дом будешь прятать, он верный мне человек, поделит золото по честному меж погорельцами. И вот тебе, – он залез к себе в карман и вытащил еще один мешок, – это золото тебе и Русаку.

Я взял в руки – там было не меньше тридцати золотых.

– Здесь очень много!

– Здесь много потому, сынок, что и ты для нас сделал много. Ну все, надо прощаться, – он обнял меня так, что кости затрещали. «Сколько в нем силы», – подумал я.

– Тебя проводят.

Атаман повернулся и ушел. Подошли те трое, от них тоже сильно пахло костром. Они проводили меня до того места, где был вахмистр. Я обошел это место как можно дальше, подполз туда, где оставался Богдан.

– Ну, что тут, тихо?

– Тихо. Ты где был? А если б разбойники налетели?

Я ответил ему на ухо:

– Спи, куманек, спокойно, не налетят! Утром все расскажу.

Глава 5

Проснувшись, я взглянул на солнце, оно было уже высоко. Посмотрел на Богдана: он лежал и смотрел в небо. Я опять уснул. Мне снился сон, будто я приехал домой в отпуск. Захожу в дом, а там все мои в красивой одежде меня встречают, с пирогом стоит Даша, говорит с поклоном: «Отведай пирога, муж мой». Я тоже весь такой нарядный, достаю из кармана золотые монеты и кидаю на стол. Братишка мой мелкий кричит: «Еще, еще!», и я достаю и бросаю. Сзади Богдан меня зовет: «Кум, кум!», а я достаю и бросаю. Богдан уже кричит:

– Кум, кум, проснись.

Я встал, смотрю: все строиться идут. Надо же, гады, такой сон прервали, но на душе все равно было хорошо, я всех своих родных, как воочию увидел... и Даша там была.

Строил всех Семкин, отобрал человек восемьдесят и поехал лес прочесывать. «Как раз кстати, я спокойно найду Игната и передам золото».

– Богдан, – подозвал я его. Кум подошел, и по нему было видно, что он обижается из-за моего молчания. Ему было интересно, куда я ночью ходил.

– Смотри, – я открыл мешочки с золотом. Богдан аж присвистнул, но спрашивать ничего не стал.

– Ну, не обижайся ты!

– На обиженных воду возят!

– Это мне атаман дал – погорельцам передать.

– Значит, ночью ты к нему ходил? А меня почему не взял? Вдвоем сподручнее было бы. Ладно, рассказывай!

Я ему все рассказал: все, как есть, ничуть не наврал, но он на меня смотрел опять с недоверием. Я понял этот его взгляд, перекрестился и сказал:

– Ну, ей богу, не вру!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.